ПИОНЕР

№ 3

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

П 29
34

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1926

СОВЕТЫ ВОЖАТОГО

Л. Глатман

Работа пионеров с беспризорными

Ребята, вы, конечно, знаете, что беспризорные дети, наполняющие улицы наших больших городов, дети трудящихся—рабочих и крестьян, попавшие на улицы из-за голода или смерти родных.

Пионеры—товарищи и друзья детей рабочих и крестьян всего мира—должны помочь беспризорным выбраться из той ужасной жизни, которую они ведут, жизни, полной лишений, голода и холода.

Но как же это сделать?

Давайте поговорим об этом!

Конечно, не скудными копейками, которые пионер возьмет у отца или матери и пожертвует на борьбу с беспризорностью, поможет он в этом деле.

Помочь можно: поместив беспризорного в семью или учреждение, работая с беспризорными в приемниках, распределителях, трудком'ячейках «Друг Детей» и т. д.

Часто беспризорный, особенно недавно пришедший в город из деревни, нуждается в совете. Нужно растолковать такому парнишке, как пойти в Отдел Народного Образования, где он помещается, свести туда.

Нужно помочь отыскать кустаря, который захочет взять его в учение, или крестьянина, который захочет взять его в свое хозяйство.

Если беспризорный пришел в отряд, или вы, ребята, сами привели его и некуда поместить его на первое время, никуда его не принимают, потому что все детдома переполнены, нужно договориться через ячейку комсомола с ф-кой и устроить ему питание в фабричной столовой; жить временно он может в пионерском клубе.

Главное, ребята, не оттолкнуть беспризорного, а постараться помочь ему всем, чем возможно.

Беспризорный, долго живший на улице, привыкший к ее шуму и сутолоке, не легко уживается в приемнике, куда его направляют, и часто бежит оттуда. Нужно пионерскому отряду своей работой в приемнике, своими играми, песнями, увлекательными рассказами и беседами, экскурсиями на производство, трудовой работой в мастерских завлечь беспризорных, заинтересовать работой и тем самым отвлечь от улицы и ее влияния.

РЕБЯТА!

Читайте журнал московских пионеров „БАРАБАН“

и

газету

„ПИОНЕРСКУЮ ПРАВДУ“

ОРГАН

Московского Бюро Юных Пионеров

Цель работы здесь — помочь государству перевоспитать ребят и приучить их к новой трудовой жизни.

В трудкоммунах, колониях и др. прикрепленные пионеры должны стремиться своей работой связать беспризорных с фабрикой или селом, устраивая взаимные посещения, экскурсии на фабрику, в село так, чтобы ребята не жили замкнутой жизнью, а принимали участие в окружающей их жизни. Здесь беспризорные живут постоянно, и нужно вести работу так, чтобы втянуть их в организацию.

Большую работу можно провести с беспризорными на площадках беспризорных, а также и на своих пионерских. Нужно привлечь их на площадку, заинтересовать ее работой, организуя массовые праздники, игры и физкультуру.

На площадке нужно обучать беспризорных грамоте, выпускать стенгазету, обучая составлению ее, проводить громкие читки книг, экскурсии, трудовую работу—уход за насаждениями и т. д.; на этой работе пионерам нужно учить и сплачивать ребят, привлекая их к отряду и втягивая в его работу.

Кроме того, нужно принять участие в работе ячейки «Друг Детей», помогая ей добывать средства на работу по предупреждению беспризорности. Нужно вести агитацию среди взрослых за вступление в члены ячейки, организовать уголок беспризорных в клубе или избе-читальне, участвовать в вечерах, утренниках в пользу беспризорных, в кампаниях, «месячниках» и «недельниках», участвуя в лотереях, сборах и т. д.

Нужно помочь также вести работу ребятам, родители которых заняты и не могут следить за ними, втягивать их к себе в клуб и отряд и тем самым отвлечь их от улицы, не давая им сделаться беспризорными. Для этого нужно знать всех беспризорных и нуждающихся в помощи ребят своего дома, проводить с ними работу во дворе, на улице, возле дома, постепенно вовлекая к себе в клуб и отряд. Пионеры должны добиться помощи в ячейке «Друг Детей», в домоуправлении для ребят, которые не могут посещать школу из-за отсутствия обуви, для ребят, у которых умерли родители или родителей арестовали.

Некоторых ребят дома сильно бьют, не пускают в школу, выбрасывают на улицу в сильные морозы и т. д. Ребята уходят на улицу, шляются по базарам и часто попадают там под влияние беспризорных.

О таком отношении к детям пионеры должны сообщить в домоуправление и ячейку «Друг Детей», на предприятие, и через них добиться помощи.

▲
▲ ▲

СОДЕРЖАНИЕ: **Статьи:** *Л. ГЛАТМАН.*—Работа пионеров с беспризорными. *А. ВОЛКОВ.*—Пора подумать о летних экскурсиях. **Повести, рассказы и пьесы:** Черный яр—повесть *Л. ГУМИЛЕВСКОГО* (продолжение). Пугаченок—рассказ *С. АУСЛЕНДЕРА.* Загвоздил—пьеса—шарж *Б. ЮРЦЕВА.* **Наша жизнь: Наши братья на Западе и Востоке. Мастер на все руки:** Как делать плакаты—*Д. ГОРЛОВА.* Просим ответить. Задачи. Кино-роман.

Иллюстрации художников: *И. ДУБАСОВА, Б. ПОКРОВСКОГО, В. СУТЕЕВА.* Фотографии: *Ф. ЗУБКОВА и др.*

Обложка художника *В. ГОЛИЦЫНА.*

РЕДКОЛЛЕГИЯ: *А. Волков, Х. Добин, В. Зорин, Н. Крупская, Е. Теремякина.* **ОТВ. РЕДАКТОР** *Х. ДОБИН.*

Главлит № 55774. 5-я тип. «Транспечати» НКПС «Пролетарское Слово», Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 20.000.

ГОД ИЗДАНИЯ 3-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

На 12 м. 3 р. — к.
„ 6 „ . . 1 „ 60 „
„ 3 „ . . . „ 85 „
„ 1 „ . . . „ 30 „

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА
ПРИ ЦК РЛКСМ И НАРКОМПРОСА

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ
Москва, Н. площадь 6/7, Издательство „Молодая Гвардия"

№ 3 ФЕВРАЛЬ 1926 г.

СЛУШАЙ, ПИОНЕР!

Саша Волков

Пора подумать о летних экскурсиях

Лето красное близится, хоть на улице и трещат морозы, хоть и снегу кругом горы намело, а все-таки день прибавляется. Еще месяц-другой, и везде зазвенят ручейки—и малые и большие. С юга потянутся вереницы журавлей, гусей и разных птиц.

Пора пионерам подумать о том, что они будут делать летом. Пора готовиться к летней работе.

Посмотрим друг на друга. Какие мы стали за зиму бледные, чахлые, зеленые! У многих голова частенько болит. А все оттого, что зимой приходится много времени в душных помещениях проводить.

Конечно, за лето мы должны поправиться. Мы устроим площадки в городе, устроим в деревне свои лагеря.

Но мало этого, стоит затеять еще одно дело. Кто из нас, пионеров, не мечтает иногда о путешествиях? Как хорошо было бы звеном или отрядом отправиться куда-либо путешествовать—в деревню, в другие города! Сколько веселых радостей дадут такие путешествия! Как много нового, интересного узнается! А сколько закалки и сплочения получит звено или отряд!

Почему бы в этом году нам и в самом деле не взяться за путешествия? Ведь, отправиться можно до какого-либо места поездом, а потом пешком немного пройти, а то и в лодке проехать. В одиночку, без вожатого отряда, конечно, нечего и думать о далеких экскурсиях.

Куда можно было бы отправиться на такую экскурсию? Да в каждой губернии, в каждом уезде есть столько интересных мест, что всем пионерам места хватит.

Подумайте-ка об этом, пионеры. На первом же сборе совета отряда обсудите, надо ли делать такую экскурсию. Вероятно, у вас много будет предложений—поехать в разные места.

Куда поехать, не решайте в первый раз. Оставьте это до следующего сбора совета отряда. Но ко второму сбору всякий предлагающий поехать в какое-либо место, пусть прочтет в книжках, расспросит учителя, родных о том, чем интересно то место, которое он выбрал.

Надо, чтобы на втором сборе совета каждый предлагающий свое место, доказал, чем особенно важно это место. Только обсудив это, и можно решить вопрос о месте экскурсии.

Следующие сборы совета отряда должны наметить план подготовки к экскурсии. Ведь, прежде чем поехать, надо заранее в отряде всем пионерам узнать, — кто и как живет в тех местах, куда намечается экскурсия, какие там заводы, как там проходила революция.

Некоторые, верно, скажут:— этого в деревне не сделаешь. А вот и неправда. И в деревне можно экскурсию на несколько дней устроить—в другие отряды, на опытную сельхозстанцию в уездный город. Время тоже в деревне найдется,—хотя бы перед покосом.

Конечно, дальнюю экскурсию на все лето устраивать не годится. Недели две-три будет на первый раз достаточно.

Надо добиться, чтобы комсомольцы, партийцы, родители помогли в этом деле пионерам.

Поняли, пионеры? Хотите вы заниматься, знаний набраться, людей посмотреть,—подумайте об экскурсиях. Возьмитесь-ка за карту своего уезда или губернии, поищите там места для вашей экскурсии. И всем звеном, всем отрядом вместе с вожатым готовьтесь к летним поездкам!

Пионеры, обязательно напишите нам в редакцию, куда вы решили поехать, как вы готовитесь. Мы с большим удовольствием дадим вам всякие советы, указания и через журнал и особым для вас письмом.

Лев Гумилевский

Рис. худ. И. Дубасова

ЧЕРНЫЙ ЯР

Роман

(Продолжение)

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПЕРВЫЙ ШАГ

Стадо согнал Егорка на другой день, вечером, и проводил камолую корову до Софроновой избы. Аксютка улыбнулась ему и удивилась, когда он вошел в избу.

— У вас ночую, — сказал Егорка, — переменил очередь. У Коршуновых одна старуха дома — все в поле. Ничего вам так будет?

— Нам то? — покраснела Аксютка, — нам то ничего, Егорушка. Только тебе как? Я ведь на завтра блины хотела припасти...

— Ну, я и без блинов... — отмахнулся он, что есть, то и ладно. А лучше мне у вас побыть — отец-то твой дома?

— Сейчас будет и он. Скоро ужинать — вернется.

Егорка остался на крыльце ждать. Аксютка убрала корову, вернулась, присела рядом.

— Говорят, ты песни хорошо поешь, — сказала она, — а мне вот не довелось услышать. Спой чего нибудь мне. Только грустное, чтоб за душу хватало. Не охотница я до веселого...

Мальчик посмотрел на нее, потом задумчиво покачал головой, сказав точно для себя:

— А не спеть ли в самом деле?

— Только хорошее, да чтобы на правду было похоже...

Девушка смотрела на пастуха и ждала. Он сунул в колени смотанный на кнутовище бич, подпер руками голову и запел как то сразу, вдруг, незаметно — точно продолжал говорить, не меняя голоса и позы. Для него песня, как простая разговорная речь, была одинаково легка. Разговаривать с самим собой в пустом поле неловко, а петь хорошо, и случайный прохожий поймает на песне, не скажет лишний раз:

— Пришадошный наш,—как есть шимашедчий.

Оттого так сливалась у него песня с простой речью. Голос же Егоркин, низкий, задушевный и чистый менять было незачем: он и без того вливался куда то в неведомую человеческую глубину. Девушка прикрыла глаза и боялась вздохнуть громко, а Егорка покачивал головой в размер своей песни и рассказывал о забитой деревне, о старой ворожее, о глупом председателе, верившем старухе и о ни в чем неповинном мужике, которому грозила беда.

А и звали того председателя
Иваном Петровым Дорониным,
И грозила беда неминучая
Мужику Софрону Ивановичу...

— Это стало быть мне?—оборвал вдруг Софрон, подошедший сзади и тихонько приставший у крыльца, чтобы не сломать песни, — про меня ты песню поешь, Егор?

— Про тебя, Софрон Иванович!

— Не врешь?

— Своими глазами видел, своими ушами слышал. Затем и очередь переменил у тебя ночевать, чтобы предупредить.

— Кышь, фурыга — ступай на Кокуй! — крикнул тот на старуху, высунувшуюся в окно, и, когда седая голова исчезла, подошел к Егорке, — ну, спасибо Егор! Доронину меня голыми руками не взять, а пока — ступайте-ка в избу, накрывайте на стол, — я ворота колом припру.

Егорка кивнул головой и пошел за девушкой. Старуха Ульяна Петровна встретила парня сердито:

— Ты что путаешься в чужие дела? На начальство идешь. — смотри!

СНЕЖНЫЙ БОЙ

Ветер воет. Снег летит,
Миша громко всем кричит:
Эй, ребята! Все за мной!
Славный будет у нас бой!

Все ребята горячились,
На две партии разбились
И пошла вот здесь потеха:
Дело было не до смеха.

Эй, ребята посмелее
Нужно всем сейчас нажать!
И от ихнего напора
Враг пустился удирать.

Тут снежки, как словно ядра,
Попадали им везде,
Удиравши без оглядки,
Каждый думал о себе.

Победитель торжествует.
С криком, гамом все бушуют.
Наша сила, как гора,
Прокричали все ура!...

Николай Карасев

Пионер 1-го Тамбовского отряда ю. п. им. К. Либкнехта

Он промолчал, но за ужином старуха не давала ему покою.

— Дар божий грех вилками колоть! — ворчала она, вырывая у него вилку, когда он тянулся за куском хлеба, — безбожник!

— Что ж мне без хлеба есть?

— Без хлеба не ест, да не свят!

Софрон остановил ее ворчание суровым окриком. Старуха зло замолчала. В наступившей тишине под высокими окнами послышались шаги и голоса. Софрон вскочил с места.

— Похоже, что его голос! — прислушался Егорка, — спрячься Софрон Иванович!

Мужик растерянно погрозил огромным кулаком в окно. Как будто в ответ на эту угрозу в ворота начали стучать. Софрон кивнул Аксютке — та вышла и спросила громко:

— Кто там?

Из избы было не слышно слов с улицы, девушка крикнула в ответ:

— Ой, боюсь открыть — отца дома нет. Придите уж когда он будет.

— Отпирай! — донеслось отчетливо вместе с яростным грохотом в калитку.

Девушка вернулась в избу, не зная, что делать. Софрон нахлобучил шапку, шепнул на ухо Егорке:

— Спрячусь на пожарище, там не сыщут и собаками! Утром прибеги, Егорушка, расскажи, в чем дело, как в поле выйдешь.

— Тятенька, беги скорее...

Девушка сунула отцу ломоть хлеба в карман. Софрон тихо вышел на крыльцо и ушел задним двором на гумна. Егорка торопливо открыл калитку:

— Девушка испугалась, открыть боится. Входите.

Иван Петрович пришел с секретарем и милиционером. Он подозрительно оглянул двор, избу, Егорку и Аксютку, спросил:

— Отец где?

— Картошку допалывает за Зеленым клином.

— Скоро вернется?

— А не знаю. Может, вернется к ужину, может — быть, и заночует там.

Иван Петрович посмотрел на секретаря. Тот проговорил торопливо:

— Лучше всего подождать, Иван Петрович, часок. Надо врасплох захватить.

— Подождем.

Он уселся за стол, играя новыми сапожками. В избе все почтительно притихли. Только Егорка покойно смотрел на председателевы сапоги и улыбался.

— Ты что рожу кривишь? — крикнул тот на него.

— А ничего. Хороши сапоги очень. Со скрипом?

Иван Петрович прошелся по избе, чтобы показать скрип и сказал секретарю:

— Новиков делал. И за скрип ничего не взял.

— Из уважения к вам, Иван Петрович!

Иван Петрович нахлобучил козырькастый картуз на лоб и уселся за стол, тараща выпуклые глаза на секретаря:

— Продолжай докладывать.

— Да что же докладывать, Иван Петрович? Все уже. Теперь только за вами дело. Следует проявить энергичность и собственную инициативу.

— Я и проявлю!

Секретарь опустил голову. Председатель приподнял козырек. В избе все безмолвно слушали. Эта почтительная тишина вдохновляла Доронина.

— Ну, что у нас теперь полагается? —спросил он.

— То есть как что? — не понял секретарь.

— Какая, спрашиваю, кампания на очереди?

Секретарь покривил губы, обдумывая. Потом он щипнул рыженькую бороденку

и сморщил веснущатое личико, ставшее вдруг похожим на печеное яблочко.

— Никакой нет, Иван Петрович!

— Должна быть. Не может того быть, чтобы кампании не было!

— Никакой,—подтвердил секретарь,—у меня на руках циркуляры и всякая переписка. Пока никакой кампании проводить не полагается, тем более что время рабочее.

Иван Петрович оглядел секретаря с презрением.

— Ты не секретарь, а божья тварь. У нас в деревне смута идет, религиозная война, иконы на воротах понавешали. А мы будем сложа руки сидеть! Кампанию надо проводить! Что у нас на носу?

— Да ведь много: Иван Петрович, семенная ссуда, поднятие сельского хозяйства, тоже ликвидация неграмотности, борьба с самогоном — как всегда...

— Действительно, что всегда! — насупившись, буркнул Доронин,—похоже, что всегда!

Секретарь насторожился. Иван Петрович, опершись бородою в кулак, с тупым укором посмотрел на него:

— Как всегда! Орлы тоже, как всегда, на кресты садятся? Иконы тоже всегда на воротах у нас висели? Батюшка наш отец Николай тоже всегда зуб на власть точит, племянника науськивает на донос и соглядатайство? Ну, Василий Матвеев, хорош-же ты!

Секретарь затрепетал от грозного тона начальства. Он пробовал было хихикнуть, но, не поощренный, только покрутил бородку и ответил, растерявшись:

— Мало ли, Иван Петрович, кто грозится! Мало ли про себя о чем люди шепчутся! Они и святых охают, коли не по ним делать будут!

— А вы все по ним делаете?—вставил Егорка,— и дуга, и лес все в их пользу?

Иван Петрович, недоумевая, оглянулся на него:

— Видал?—крикнул он Василию Матвееву,—видал? Щенки уж лаять начали!

— Мы его уймем!—взглянув мельком на Егорку, ответил тот, — только хозяев надо одернуть сначала.

Должно быть, вспомнив при этих словах о цели их прихода, Доронин грохнул кулаком по столу, оборачиваясь к Аксютке:

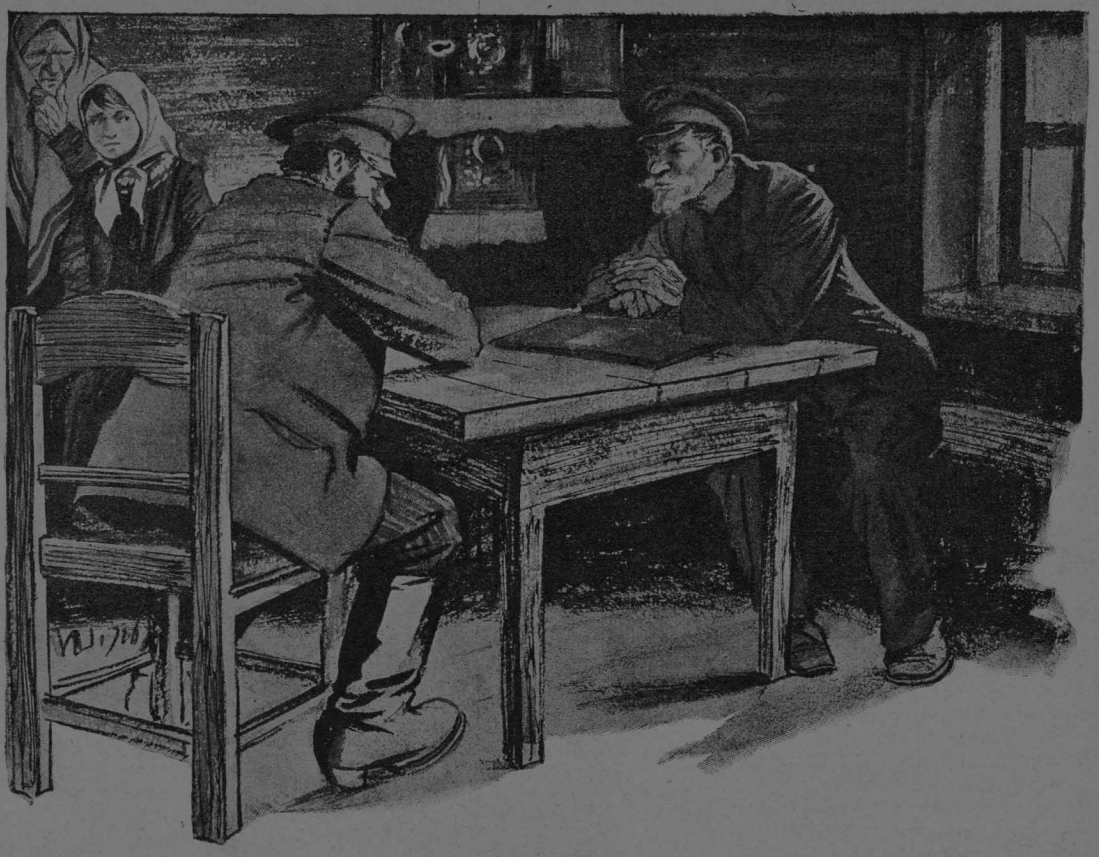
— Где отец, спрашиваю?

Аксютка закрыла фартуком лицо и заревела в таком страхе и ужасе, что добиться от нее разборчивого слова было невозможно. Иван Петрович махнул рукою и тупо посмотрел на секретаря:

— Ну так что ж?

— Так что ж? Как прикажете. Иван Петрович, так и будем действовать!

— Ну, и секретарь! Ты не божья, а дурья тварь! Эй, старая, — обернулся он к Ульяне Петровне, — что у нас на неделе?



... — Какая, спрашиваю, кампания на очереди?

— Престольный праздник, батюшка!

— Видишь! Старуха знает, а ты—нет!

— Престольный праздник, я знаю, Иван Петрович, я знаю! А только какая же тут кампания может быть? Разве борьба с самогоном?

— Дурак ты, Василий Матвеев! Антирелигиозная кампания на очереди. За попов взяться надо!

Председатель сдвинул картуз на затылок и, подмигнув, посмотрел на секретаря победоносно. Тот сморщил личико в комочек, щипнул бородку и засмеялся:

— Умница вы, Иван Петрович! В самую точку попали. Только времени для подготовки мало осталось.

— Я сам все подготовлю. У меня план давно в голове.

— Комиссию собрать?

— Обойдемся одни!

— А так и лучше — зачем же другим вмешиваться? Свою-то инициативу да с другими делить!

— Ну и верно.

Аксютка зажгла лампочку и боязливо поставила ее на стол. Иван Петрович потянулся как после многотрудного дня:

— Ну, ладно! Пойдем, секретарь! А ты — он обернулся к милиционеру и нахмурил лоб.—Софронова арестовать и доставить! Из избы никого не выпускай пока, чтобы не опередили. Что?

Он оглянулся на заревевшую снова девушку, и она умолкла в страхе и ужасе. Иван Петрович повернулся на каблуках и вышел.

Секретарь побежал за ним. Милиционер остался у двери.

— Так, — сказал Егорка, — значит, завтра коровы по домам будут! Меня, ведь, тоже не выпустишь?

Милиционер усмехнулся, махнул рукой, отставил винтовку и сел на скамейку.

— Что ж я до утра тут сторожить буду? Нашел дурака!

Егорка подошел к всхлипывающей девушке и стал утешать ее, не переставая смеяться. Милиционеру надоело сидеть и ждать. Он поманил Егорку к себе:

— Ну-ка, скажи, парень, где Софрон? Знаешь, ведь?

— Знаю.

Ты правду любишь — по отцеву жить хочешь. Ну, так скажи по совести— где он?

— Сбежал.

Милиционер свистнул изумленно.

— Куда?

Этого я тебе не скажу

— Так. Кто ж его упредил?

— Я.

— А ты почему знал?

— А потому, что слышал, как Доронину Ненила на картах гадала. Ни в чем Софрон не виноват, а Доронин картам поверил — решил, что Софрон!

Милиционер вытаращил глаза.

— А ты не врешь, парень? Иван Петрович гадал?

— Никогда не врал и врать не буду!

— Так! — несколько раз повторил милиционер, — так! Давно я гляжу на него— дивлюсь: почто такого дурака в председатели поставили, а он выходит и еще дурее. Ну, ладно уж!

Он встал, вскинул винтовку на плечо.

— Ну, прощайте, ребята! Скажите Софрону, чтобы на улицу не показывался пока. А то и мне в ответе быть. А разговор будет, — скажите, что я до утра караулил. Тьфу! Когда этого дурака по шее погонят?!

Егорка проводил милиционера за ворота, плотно припер их колом и вернулся в избу. Аксютка смеялась сквозь слезы. Ульяна Петровна, насупившись, качала

головой. Егорка сказал: «ну, видишь, все ладно!» и стал стелить постель себе на полу.

Но уснуть им не пришлось. После полуночи в дверь избы загрохотали чьи то здоровые кулаки.

Аксютка замерла. Егорка накинул полушубок и вышел спросить через запертую дверь, что случилось. За дверью раздался знакомый голос. Егорка скинул крючок,—в избу вошел Софрон. Он был бледен и страшен. На белом, как бумага, лице его круглые глаза сияли черными безднами. Губы дрожали. Окладистая борода торчала черными клочьями. Городской картуз на нем был надет козырьком назад.

Егорка отступил в изумлении.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРИВИДЕНИЕ

— Пить! — прохрипел Софрон, опускаясь на лавку, — пить...

Аксютка принесла ковш квасу. Софрон залпом, не отрываясь, выпил его и тогда только обвел глазами, почти невидящими, избу. Казалось, он только теперь начинал приходить в себя и понимать, где он.

— Тятенька, тятенька! Председатель с милиционером был. Тебя арестовать велено! — торопливо рассказывала Аксютка, удивляясь каменному лицу отца, не двинувшему ни одной чертой своей от ее слов.— Да что с тобой?—наконец спросила она.

— Что случилось? — повторил Егорка, — зачем ты вернулся, Софрон Иванович?

— Откуда ты?—подошла и Ульяна Петровна, — из ада что ли вырвался?

Софрон Иванович вздыхал тяжело и гулко, но приходил в себя. Все молча смотрели на него и ждали. Егорка шепнул девушке:

— Ой, не попался ли он председателю!

— Да зачем ему вернуться нужно было?

Ребята смотрели друг на друга и на Софрона. Он как будто бы начал понимать, что происходит, о чем его спрашивают. Он потянулся к ковшу, допил последние капельки, тряхнул головою, ощупал бороду, всего себя, потом потрогал Аксютку, точно для того, чтобы убедиться, что он дома, наяву — не во сне.

— Ты—Аксютушка?

— Я.

— А это Егор?

— Егор!

— А та? Мать Ульяна Петровна, что ли?

— Да что ты не видишь, Софрон Иванович, — всплеснул руками Егорка,— ослеп ты или с ума сошел?!

Крестьянин потряс головою, точно желая приобрести свежесть ума и зрения, но взглянул на всех все теми же еще не прояснившимися глазами. Лицо его было попрежнему бледно, и только начали розоветь губы раскрытого от страха рта.

— А я—живой?

— Да не мертвый же!

Ульяна Петровна молча смотрела, потом вихрем вышвырнулась вон и через минуту принесла ковш с водою и черный уголек из печи. Набрав в рот воды, она спрыснула с уголька Софрона и отошла в угол, ожидая, что будет дальше.

— За Ненилой не сбегать ли, Софрон? — предложила она — спортил тебя кто нибудь.

Должно быть он с трудом понял, о чем его спрашивали, но, понявши, вдруг

Он был бледен и страшен

убедился в том, что жив, цел и невредим, что и вокруг него все, до Ненилы включительно, осталось в прежнем виде и на своем месте.

Он широко перекрестился и вздохнул. На дворе, где то очень близко, должно быть, ночевавший под крыльцом молодой петух проорал свой торжественный предрассветный крик. Аксютка вздрогнула от этого неожиданного нарушения тишины, но Софрон вдруг оправился.

— Ну, стало быть пропал. Петухи поют! — сказал он,—теперь ничего уж не сделает, а?

— Что случилось, Софрон Иванович?—ласково, но настойчиво спросил Егорка.—Где ты был?

Софрон Иванович встал. Прояснившиеся было глаза его стали снова от страха круглы, он положил руку на Аксюткино плечо, другой притянул к себе Егорку и тогда прошептал, насилу расклеивая рот и губы, запекшиеся от бегогни и ужаса:

— Покойника видел!

— Где?

— Какого?—разом вырвалось у ребят.

— На пожарище! — ответил Софрон и, снова слабея, опустился на скамью,— ох, расскажу, ребята. Лучше бы мне в холодную пойти с милиционером, чем туда! Там покойники ходят, ребята!

— Какие покойники?

— Да те, те, которых там расстреляли! Отца твоего видел, Егорка!

— Жив он? —взвизгнул Егорка, не понимая, что говорит,—жив?

— Шимашедчий,—отодвинулся от него Софрон и покачал головой,—ну, гляди, сейчас с ним припадок будет. Недаром Захар Никитич от него видение скрыл.

Ну откуда твоему отцу живому быть, сам ты подумай?

— Ты же говоришь, что видел!—ответил Егорка.

— Покойника видел, тень его. Призрак! При-ви-де-ние! Душеньку его непогребенную!

Егорка вздохнул:

— Ведь, этого не бывает, Софрон Иванович, ведь, все это врут. Сколько раз я ходил на пожарище и днем. и ночью—что ж, никого не видел! Не могут покойники являться—это уж я знаю.

Софрон Иванович всплеснул руками:

— Говорите с ним. Да с чего же как сумасшедший я сюда прибежал? Себя не помню. Сам ведь я видел, сам вот этими глазами!

Он ткнул себе пальцами в глаза и развел руками:

— Как же тут не верить?

— Ошибся ты!

— Тьфу!—отплюнулся тот,—говорите с ним! Ну, как тут ошибиться можно, когда вот он... Я прибегаю на пожарище уж совсем затемно. Тут все, как было, как спалили мы в революцию барскую эту усадьбу. Столбы от ограды каменные торчат, стены там, печки эти с трубами и двор тут, и стена эта самая, около которой их расстреляли.

— Знаю! — кивнул спокойно Егорка.

— Ничего ты не знаешь. Привели их туда, поставили к стенке, говорят: «вот вам ваша усадьба, владейте ею на веки вечные» и стали по ним палить. А отец твой в те времена, как жгли усадьбу, и в деревне не был,—он на фронте был. Не при чем человек оказался, ну да тогда не разбирали!

Софрон Иванович передохнул. Аксютка затаила дыхание.

Егорка почувствовал холодную дрожь на спине. Горячая кровь в шраме забилась живчиками; холодными пальцами прижал он их и подергивавшиеся веки.

— И только я эту стену прошел, хотел в погреб нырнуть, как оттуда навстречу мне—он...

— Кто?

— Покойник!

Аксютка вздохнула. Ульяна Петровна перекрестилась. Егорка покачал головой.

— Темно уже совсем было, говоришь?

— Да я в осеннюю ночь узнал бы его! Взглянул он на меня, улыбнулся и руки так протянул...

Софрон Иванович вытянул руки. Аксютка взвизгнула и отшатнулась прочь.

— Тут и я так же, как Аксютка, шарахнулся, да споткнулся о камни и растянулся. Слышу он надо мной стоит... А у меня волосы дыбом. Наклонился он ко мне, руку положил на плечо—рука каменная, холодная, как лед, и говорит: «не бойся, ничего, Софрон! Я знаю, кто предатель. Теперь скоро вся правда на-

ружу выйдет. Ступай отсюда, не мешай мне! Приподнял он меня своей каменной рукой, подтолкнул к воротам. Я и побежал, как угорелый, не оглядываясь... И как до дому дошел—не помню. Поверишь, небось, теперь?

Егорка развел руками:

— Да чему же тут верить...

— Что ж я без глаз?

— Может быть, ум за разум зашел от беготни да страху?

— А Чугунов?

— Что Чугунов?

— А Чугунов Захар Никитич тоже без глаз был? Он-то, ведь, тоже в городе его видел! Днем, при всем честном народе ему явился!

Егорка растерянно прижал холодными пальцами запрыгавшие веки мигающих глаз.

— Вот она к чему птица на кресте сидела,—вздохнула Ульяна Петровна,— вот оно к чему!

Сафрон Иванович отмахнулся:

— Ну, придумала тоже! Про птицу известие пришло — из клетки вылетела, с парохода. Зверинец с парохода выгружали, а клетка в сутолоке открылась,— орел тот и вылетел.

— Что ж ему столбов было мало, что он на крест сел? Да и зачем бы ему садиться? До воли дорвался, улетел бы подальше!

— Молодой был! — спокойно заметил Сафрон Иванович, — побоялся лететь дальше: сил в крылах не было, потому и сидел.

Старуха заткнула пальцами уши и закачала головой, не веря. Егорка подошел к мужику:

— Кого же ты там видел, а?

— Покойника!

Сафрон Иванович прикрыл его руку своею большой и холодной:

— Не бойся. По дальше только от пожарища держись. Сначала страшно, а как обвыкнешься—ничего... Аксюточка, дай-ка кваску еще.

— Он выпил полковша и тогда как будто повеселел даже.

Егорка встал, молча отыскал свою шапку, взял котомку и бич.

— Надо сходить туда!—сказал, он—надо узнать, что там такое.

— Шимашедчий! — всплеснул руками Сафрон Иванович, — да ты там со страху умрешь!

— Ты же не умер?—Егорка засмеялся, — уж коли тебе ничего не сделал, так мне и вовсе ничего не будет от родного отца. Только я думаю, не конокрады ли прячутся? Облаву бы сделать, да боязно: если все это тебе померещилось,—засмеют веды! Надо самому дознаться!

Егорка решительно шагнул к двери. Тогда молчавшая Аксютка вдруг кинулась к нему, впилась в его руку ногтями, повисла на ней и взвизгнула:

— Ой не пущу, ой не пущу!

Егорка уговаривал ее, смеялся, сердился, — ничего не помогало. Аксютка не выпускала руки. Он нахмурился, сказал сухо: «ну, ладно. Не к спеху!.— и снял шапку.

— Не пойдешь?

— Видишь, что не иду. Пусти, Аксюточка!

— Девушка выпустила его руку боязливо. Егорка потер следы от ногтей, покачал головой. Аксютка зорко следила за ним, готовая снова вцепиться, если он сделает хоть шаг к двери.

— Да поздно уж. Светает! — сказал Сафрон Иванович,—теперь ходить нечего, сгинул уж. Ему и воли дадено только до первых петухов. Ложитесь-ка, может, и уснем еще!

Никто не смог уснуть. Сафрон вздыхал и мучился призраком. Аксютка боялась заснуть, чтобы не упустить Егорку. Ульяна Петровна молилась о непогребенной душеньке. Егорка же лежал и думал сквозь сон о несбыточном: может быть, в самом деле жив и отец? Ведь, бывают же случаи, что оказываются живыми и те, кого считали давно уже мертвыми.

Семик пропадал пять лет в германском плену и вернулся, не потеряв даже своих и чужих медалей, болтавшихся у него на груди.

Сердцо у Егорки замерло. Но от радостного волнения и сон сбежал с вздрогнувших век. Тогда было ясно другое: ловко спровадили с пожарища конокрады забежавшего туда мужика.

Егорка открыл глаза с тоскою. Не было отца, не с кем было и поговорить. А ведь должен же был кто-нибудь знать правду.

Ворочаясь с боку на бок, он перебрал в уме всех мужиков от Захара Никитича до Софрона Ивановича и еще раз вздохнул: никому нельзя было поверить, было тесно, темно и скучно в мужицких умах, как в их избах.

«Облаву бы! —думал пастух, — ведь и из стада таскать будут... Председателю сказать?»

И опять ничего не выходило. Можно было бы спеть мужикам песню, да разве песней одной разгонишь черноярский мрак?

С конца деревни донесся пастуший бич. Егорка вскочил, оделся, плеснул в лицо холодной водой и вышел за ворота хлопать своим бичом по розовой от предрассветного зарева черноярской улице. Первой выгнала к подпаску корову школьная сторожиха, и тогда у Егорки блеснула мысль:

— Учитель не уехал еще? — спросил он ее.

— Нет?

— Вечером дома будет?

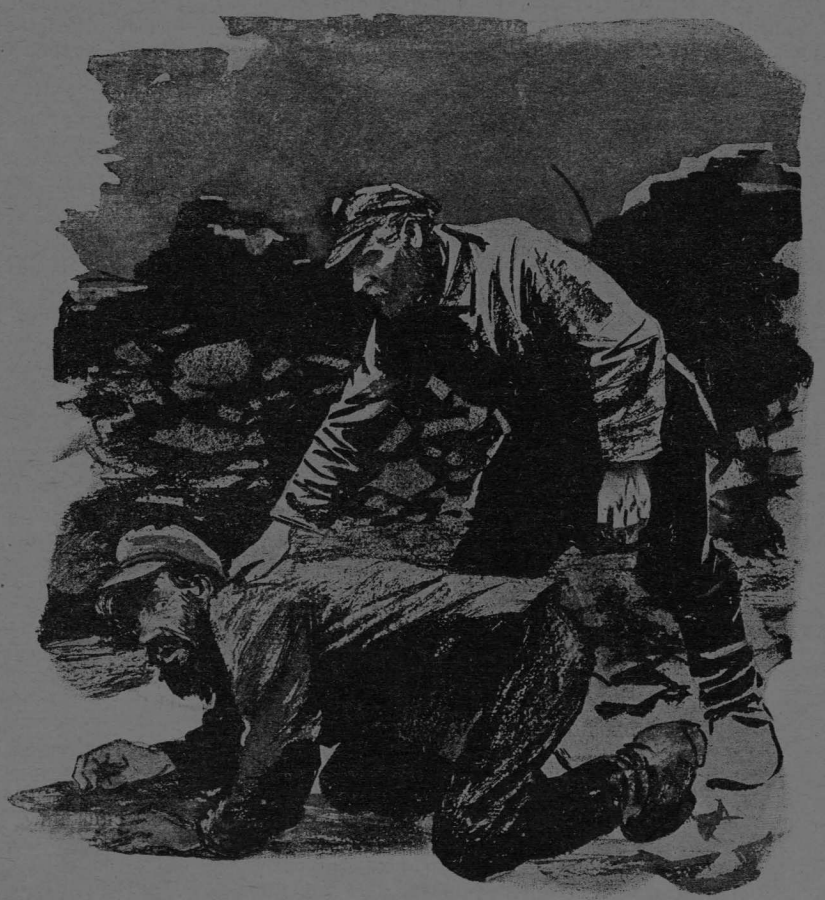
— Вестимо, что дома.

— Ну, так я приду нонеча к вам. Дело есть!

— Егорка любовно и весело принял учительскую корову от сторожихи, погнал ее с некоторой долей уважения, как будто и она была причастной к той массе знаний, которые должны были быть у учителя.

Не повидавшись с ним, решил Егорка ничего никому не говорить. Вечером же, отогнав стадо, пошел он в школу.

(*Продолжение следует*)



...— Слышу, он надо мной стоит...

Сергей Ауслендер

Рис. худ. Б. Покровского

ПУГАЧЁНОК

Андрейка лежал на лавке под тяжелым тулупом и дрожал, не мог согреться. Так замерз Андрейка, бродя по степи, что казалось, никогда не согреется. Мысли путались, смертельно хотелось спать, а заснуть не мог.

В избу то и дело входили, хлопая дверью и снова выходили, топали ногами, согреваясь, громко разговаривали.

Андрейка хотел вспомнить все, что случилось с ним в пути, и не мог никак понять, что случилось с ним взаправду и что приснилось в тяжелом, дурманном сне.

Иногда распяливал Андрейка глаза и старался хорошенько рассмотреть, что происходило в избе.

Старик-хозяин, к которому направили Андрейку из станицы верные люди и который давеча на робкие вопросы Андрейкины сказал твердо и коротко—«подожди», теперь, забыв про все свои хворости, катышком катался по избе, прислуживал гостям.

За столом под образами, на скамьях расселось пять человек господ офицеров в зеленых камзолах.

Офицеры ели, пили, согревались, говорили все громче и веселее.

— Теперь уже скоро и походу конец!

— Захватим вора, попируем на радостях! Награды обещаны богатые.

— Только бы поймать его разбойника! Увертлив больно, между пальцами уходит.

— Наглости большой набрался. Беглый арестант, императором Петром Федоровичем назвался.

— Как только удалось ему замутить столько народа, поднять против законной государыни?

— Народ бунтовать рад. Смерды, рабы против господ встали. Воли, вишь, захотели, покажем мы им волю, плетьем вышибем! Долго думать о воле не захотят.

Хмелели офицеры, слова становились грозными и неразборчивыми, хвастались будто поймали уже врага своего Емельяна Пугачева, размахивали руками, будто рубили уже головы непокорным бунтовщикам, будто хлестали плетями по холопским спинам.

Андрейка дрожал все сильнее, теперь уже не столько от холода, сколько от страха и лютой злобы.

Вспомнил отца, запоротого на конюшне, вспомнил сестру, запертую в подвале, ждущую участи злой и позорной, вспомнил барина своего Евграфа Семеновича, улыбающегося ехидно и зловеще.

И неужели не найдет нигде правды?

Неужели же верно говорят эти захмелевшие офицеры, нет царя-государя мужицкого Петра третьего, несущего волю рабам и месть, неужели же правда—беглый арестант это Емелька, которого поймают и расказнят?

Откуда же тогда ждать освобождения на кого надеяться?

Нет, дед Парфен, пославший его разыскивать справедливого царя, не врал, не мог ошибаться, нет, нет и нет! Найдет он царя, найдет он и правду!

Путались мысли, звенело в ушах, слипались глаза, будто снегом, как в степи давеча, заметало. Андрейка засыпал.

Навалилось что-то тяжелое на ноги Андрейке, будто камнями приплюснуло ноги, дернулся Андрейка, хотел ноги высвободить, охнул жалобно, но все же как следует не проснулся.

— А, кот тебя заешь—слышал голос сквозь сон, — ворочается тут кто-то жив человек! Чуть не задавил его.

Отогнул кто-то тулуп, нагнулся к лицу, рассматривал Андрейку. Жесткая борода щекотала щеки, пахнуло запахом знакомым, мужицким, отцовским.

Едва-едва глаза Андрейка приоткрыл, улыбнулся, прошептал ласково «тятька» и опять сном тяжелым забылся.

— Умаялся паренек! — опять тот же голос промолвил и кто-то заботливо тулупом прикрыл.

Видел Андрейка во сне, будто едут они на лодке с отцом.

Бьются волны о борт лодки, но крепко взмахивает отец веслами, улыбается, и не страшно Андрейке, а весело и радостно.

Кричит что-то отец, но ветер относит голос, нельзя слов разобрать, но и без слов понятно Андрейке—кричит отец, чтобы не робел, не трусил, а Андрейка и не трусит, ведь—с отцом, опять отцом.

Сколько долгих тяжелых дней прожил Андрейка один, сиротой, а сейчас опять с отцом.

Хочет спросить Андрейка: «Где ты был, тятька? Пошто меня одного бросил?»

Наползает вдруг темная мысль, ведь нет отца в живых, вынесли из конюшни из под плетей окровавленного и неподвижного, как забыть может эту страшную минуту Андрейка?

Но уплывает лодка, улыбается бородатое отцовское лицо, и во сне улыбается Андрейка радостно.

— Ишь, разоспался! — толкает кто-то Андрейку весьма учтиво, подхватывает под мышки, приподнимает.

— Вставай, царя, царя-батюшку проспишь!

Обжигает мысль о царе, отгоняет сон, трет кулаками Андрейка глаза, хочет опять вспомнить хорошенько, где сон, где явь.

Дымные облака ходят по избе, много народа толпится, только спины и видно.

Старик-хозяин подталкивает Андрейку в бок кулаком, ворчит:

— Разоспался! Не добудишься! Царь-батюшка тебя спрашивает, говорить хочет, чуть не проспал его.

Все сразу вспомнил Андрейка, потянулся так, что косточки хрустнули.

Хозяин, держа Андрейку за плечо, будто тот убежать собирался, вперед стал его пропихивать между спин.

Стояло человек пятьдесят мужиков и казаков, молодых и старых, женщин и ребят, стояли плотно и молча.

Уставили все глаза в красный угол, а там за столом под образами, освещенные чадным жировиком, сидело трое и тоже молча, торопливо ели, пальцами брали из большого дымящегося горшка, громко хрустели костями.

Были все трое бородатые, черные, будто опаленные, из под шапок меховых глаза у всех троих по волчьи угольками поблескивали.

Наконец, средний вытер пальцы о бороду, быстрым скользким взглядом огляделся, рукой о стол уперся и заговорил голосом слегка хриплым, простуженным:

— Жалуем мы вас, люди добрые, народ русский, бедноту подъяремную, холопов, под плетями барскими стонущих, казаков, волю потерявших—всех жалуем нашей царской милостью, первo-на-первo волей свободной, от бар освобождаем, от лютых начальников, собак приказных, освобождаем, землей жалуем...

Зашевелилась толпа, будто разбуженная после долгого сна, задвигалась, тяжелым гудом загудели, всхлипывали бабы.

А он веселым быстрым взглядом всех окидывал, бороду расправлял давал время народу погалдеть, пошевелиться.

Широко раскрытыми глазами уставился Андрейка в него, быстро мысли неслись.

«Неужто этот бородатый осипший мужик царь будет? Верно ли про него говорили офицеры в этой самой избе, что беглый арестант он, вор, обманщик! А не все ли равно царь или не царь, если свободу обещает, волю, месть!»

Крякнул сипло, хлебнул большим жадным глотком из ковша и опять заговорил, глазами слегка раскосыми из под лохматых бровей поблескивал.

— Но вот что, детушки! На царя надейся, а сам не плошай! Народом всем должны дружно навалиться на супостатов, крепко и дружно за волю, за меня, царя вашего, за себя самих крепко и дружно постоять должны!

Говорил нараспев, будто причитал, наговор ворожил и все стояли, рот открыв, глаз не открывая, как завороженные.

Грохотом изба наполнилась, на разные голоса загалдели.

— Постоим, постоим!

— Не жить, все равно!

— Довольно терпели, лямку тянули!

Дал погалдеть, потом встал, рукой махнул нетерпеливо, лицо властным и твердым стало,—умел, видно, приказывать.

— Ступайте, по полкам вас атаманы разобьют. А мне нужно с генералами моими совет держать.

Толпа шарахнулась к дверям, толкая и сбивая друг друга, торопились царский приказ исполнить. Хозяин, подойдя к столу, сказал:

— Вот паренек, что слух принес из-за Волги,—и толкнул Андрейку к самой лавке, на которой сидели царь и его генералы.

— А, тот самый, которого даве не придавил едва, — промолвил Пугачев, слегка улыбаясь, а думы его где-то далеко были.

Андрейка тоже узнал того, кто наклонился над ним, полусонным, которого со сна за отца принял. Опять родным, мужицким, отцовским духом пахнуло, потом, табаком, лошадью и горькой сивухой.

«Царь или не царь?» — опять в голове мысль упорная засверлила. «Царь или не царь? Обманет или вправду волей пожалует?»

— Ну, сказывай!—промолвил наконец Пугачев, рассеянно оглядывая Андрейку и все еще думая о чем то другом.

Андрейка молчал, только глаз отвести не мог.

— Сказывай же!—нетерпеливо, почти гневно прокричал Пугачев.—Сказывай, какие слухи идут, что велели донести мне! Все сказывай, а утаишь или соврешь, плохо будет!

— Обомлел паренек перед твоей царской милостью, — угодливо сунулся хозяин, а сам подталкивал Андрейку и шипел в ухо:

— Развяжи язык, бревно деревенское!

— Обомлел, — улыбнулся Пугачев, блеснув белыми, крепкими жадными зубами.

— Обо мне-то у вас слух доходил-ли?

— Доходил, слышали, — тихо, с трудом выговорил Андрейка.

— Слышали, чего-ж слышали, да не бойся, не с'ем, я кусачий только до бар, да до господ офицеров.

Крепкой рукой притянул Андрейку за плечо совсем близко к себе, жарким хмельным дыханием обдал, веселыми блестящими глазами будто насквозь просверлил.

— Полно дурака валять, сказывай все по порядку! Ждут меня?

— Ждут тебя, воли ждут, измаялись, лютует барин наш, до последнего дошли... Отца моего до смерти запорол, сестру в подвал...

Андрейка говорил будто во сне, будто чужие слова повторял, а тут поперхнулся, вспомнил, что про себя, про свое горе говорит.

— Ладно уж, посчитаемся, за все мне ответ дадут, ладно. Ступай назад, скажи, видел живого, настоящего, скажи, скоро уж дойду и до вас, скажи, пусть ждут, да пусть и сами готовятся, ружьишками, где можно, раздобываются, косы точат, пики куют, а тут я и надвинусь. Я за них постою, да и сами пусть не зевают. Воля не галка, сама в рот не влетит, хватать ее нужно, да держать крепко. Понял?

Андрейка только головой мотнул, горел весь как в огне, крепко держал его Пугачев, плечо даже заныло, совсем близко к лицу нагибался, колола жесткая борода шею и щеки, улыбались глаза и губы, опять на отца походил.

— Ладно, в путь отправляйся не мешкая!

Пугачев оттолкнул Андрейку и, отвернувшись, заговорил тихо со своими генералами.

Скоро все поднялись.

— Ну, нам и дальше в путь пора,— сказал Пугачев и потянулся, разминаясь.

— Да парню подводу дать, пусть из степи вывезут. А то—не замерз бы, как царский посол.

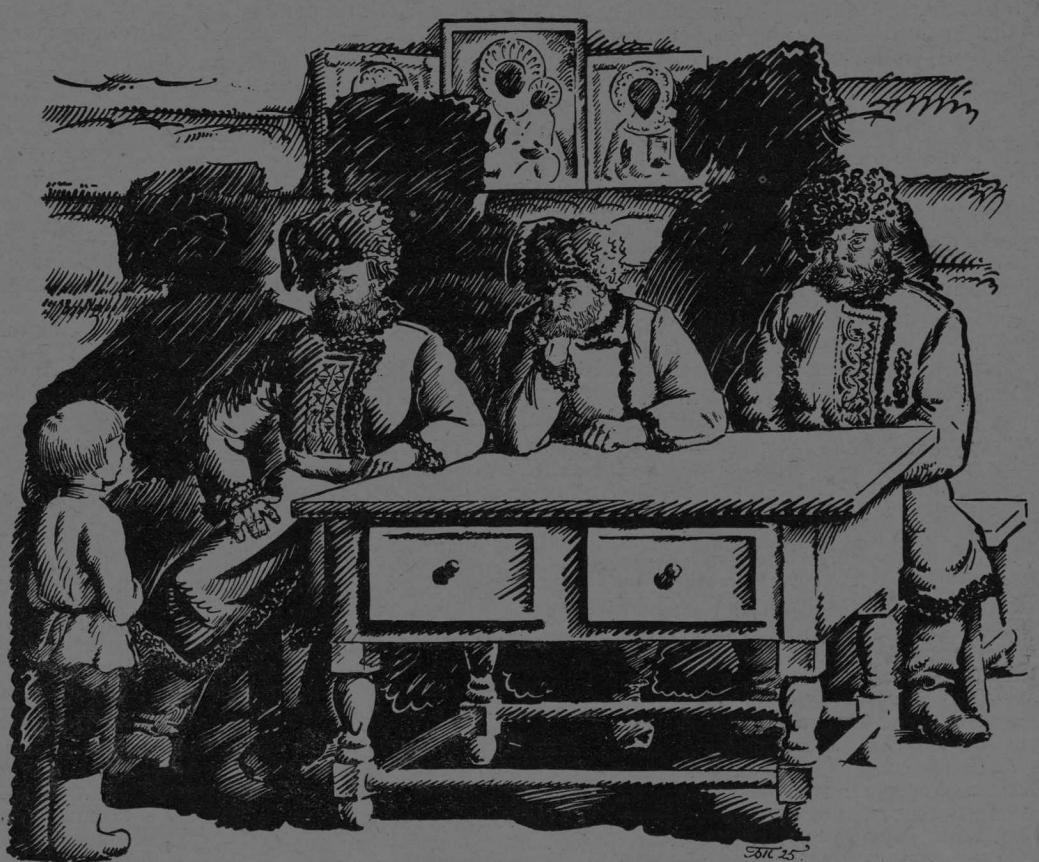
Хозяин засуетился подавать шубы Пугачеву и его генералам.

Они вышли, прогалдели по улице голоса—это прощался народ с царем.

Хозяин накормил Андрейку остатками царской еды и стал снаряжать в путь.

Едва белел мутный рассвет, когда, раскатываясь по сугробам, закутанный в тяжелый тулуп, ехал Андрейка по темной улице.

У околицы лошадь пугливо шарахнулась и понеслась вскачь.



...—Ну, сказывай,—промолвил Пугачев

...—ехал Андрейка по темной улице.

На отводах висело пять раскоряченных страшных кукол, слегка шевелящихся от ветра.

Это были пять офицеров, хвалившихся, что они поймают вора и разбойника Емельку Пугачева.

* * *

По вечерам в избу к Парфену набивалось человек двадцать, а то и более.

Стояли плотно—дыхнуть нечем.

Андрейка сидел на лавке и рассказывал. Каждый вечер рассказывал и каждый вечер будто новое вспоминал.

А бородатые, кудлатые мужики стояли перед ним, глаз не сводили, слушали, открыв рот, только иной раз крякали.

Может, и не все выходило в Андрейкином рассказе по правде, с каждым вечером длиннее и интереснее рассказ становился, все меньше походил в этом рассказе царь-государь Петр, грозный к помещикам и офицерам, милостивый и щедрый к народу крестьянскому, все меньше походил он на бородатого, пахнущего горькой сивухой Емельку Пугачева.

Но рассказывал Андрейка и сам верил тому, что рассказывал, золотом горели царские одежды, генералы выходили по рассказу в лентах и орденах, войска Пугачевские превращались в несметные тысячи, не пять офицеров на привороте будто бы повесил, а на десятки верст выставил виселицы, и болтались на них тысячи помещиков, генералов, приказных, а иногда выходило, что чуть ли не самую царицу, непокорную свою жену Екатерину, уже расказнил на Красной площади в Москве.

Иной раз оборвет сурово дед Парфен:

— Ты, паря, ври, да не завирайся, в тот раз не так сказывал. Вот я тебя за вихор, чтоб не брехал лишнего!

Но вступались слушатели за Андрейку, уж очень хотелось им поверить во все, что Андрейка рассказывал, каждое слово боялись пропустить.

— Не сбивай его, дед, — цыкали на Парфена,—пусть все выскажет до конца!

Передавал Андрейка и приказ Пугачева ждать его,—готовиться самим встать за свою волю.

Хмурились мужицкие лица, загорались глаза, сами собой сжимались корявые кулаки, и тут уже дед Парфен хвалил Андрейку:

— Вот слова праведные. Даже ежели сам их Андрейка придумал, и то правда в них большая. Не на царя упирать должны, а сами на себя, на свою мужицкую силу. Царь это знак только, а сами за себя постоять должны, сами свою волю добыть и крепко за нее стоять. Без этого никакой царь не поможет!

Потом Андрейку спать на печку гнали, а сами между собой с дедом Парфеном долго еще тихими голосами переговаривались.

Дед наказывал Андрейке не соваться на барский двор, не попадаться зря на глаза приказчику Дмитрию, или, неровен час, самому барину Евграфу Семеновичу.

— Чего на рожон даром лезть? Оголтел барин, будто волк зимний, и вся, свора его лютует. Подале от них лучше.

Но Андрейка не мог удержаться, день-деньской бродит около усадьбы, а то и к самому дому прокрадется, хочет все высмотреть, выведать.

А самое главное, как мог он спокойно у деда на печке сидеть, когда томится в подвале вместе с другими провинившимися сестра его, Люба, ждет каждый день своей злой участи?

Каждый день прокрадывался Андрейка к подвалу, в темные отдушины заглядывал, голосом срывающимся кликал:

— Люба, а Люба, отзовись, жива ли!

Далекий, едва слышный из-под земли, голос доносился:

— Ох, Андрюшка, тошно мне, в самый час хоть руки на себя наложить, все равно не видеть мне боле ясного солнышка, не быть свободной и радостной, заключет нас злой коршун!

У Андрейки слезы катились, носом хлюпал, но старался утешить веселым голосом:

— Полно, не отчаивайся, скоро уж, скоро, всем воля будет. Недолго уже, потерпи.

Еще ближе к отдушине нагибаясь, шептал вести радостные о близком освобождении, о царе мужицком,—Петре, уже идущем на выручку, о многом еще шептал Андрейка, а там внизу, притаясь, слушала жадно не одна Люба, а много еще потерявших надежду на освобождение; много сердец от этих слов билось горячее.

Иной раз приносил Андрейка лепешек или хоть простого хлеба и на веревочке спускал в отдушину. Но насчет хлеба и на деревне в тот год неважно было, подкрадывался голод; хоть и полны были барские амбары, да деревне от этого не легче.

(Окончание следует)

Рис. худ. В. Сутеева

Пионер. Загвоздил!!! пьеса-шарж*) в 5-ти карт.

ВС

ДЕЙСТВУЮТ:

Вожатый
Алексаша—пионер
Лиза—его сестра
Мать Алексаши
«Ребеночек»
Преподаватель
Пионеры
Школьники
Члены общества «Руки прочь от Китая»

(Занавес закрыт. Перед занавесом появляется пионер)

Пионер:

— Здравствуйте, дорогие товарищи. Сейчас мы покажем вам маленькую пьеску, которая называется «Поприветствовал». В этой пьеске, товарищи, показываются не успехи и достижения нашей работы, об этом вам и так достаточно известно, а в ней совершенно наоборот—показываются наши промахи и недостатки. Мы решили, что это будет нужнее. Ведь хвалить-то нас в любой пьеске похваливают. Любая пьеска так и говорит: «смотрите, мол, ребята, какие вы молодцы и как у вас все здорово идет», а мы в этих похвалах плаваем и думаем, что у нас в самом деле, действительно, все замечательно, прямо хоть на выставку. Но, товарищи, если мы пороемся в нашей работе как следует, то глядишь, найдется и немалое количество грешков и промахов, над которыми надо крепко призадуматься и вытравить их из нашей работы. Вот один из таким грешков мы раскопали и сейчас покажем вам. В этой пьеске показывается работа отряда, направленная по неправильному руслу, показывается и то, что из того может получиться. Еще, ребята, должен добавить, что в этой пьеске вы увидите все не так, как это бывает в жизни, потому что в ней все показано в смешном виде, как на смешном рисунке—карикатуре. Итак, мы начинаем. (Кричит за занавес) Готово?

*) Шарж—подчеркивание, преувеличение.

... — Смирно!!!

... — А-а-ат-ставить! Становись!

Голос:

Готово.

Пионер:

Занавес.

(Идет занавес. На сцене работают два звена (человек 15). Работа в полном разгаре. Несколько человек делают какой-нибудь уголок. Редколлегия, лежа на животах на авансцене, пишет и клеит огромнейшую стенную газету. Человека три читают вслух книжку. Двое что нибудь поют, остальные, примостившись где нибудь в сторонке, с жаром репетируют какую-то пьеску).

Разговор:

— Эх, мамочка, да так ли еще работу-то можно было бы развернуть, кабы помещеньице-то чуть побольше...

— Ничего, мы и здесь разворотим.

— Ребята, а что-то Миша сегодня не пришел?

— У него, наверно, нынче ячейка.

— Нет, у него по пятницам бывает.

— А все-таки хороший у нас вожатый-то. А?

— Да, ничего. Гвоздистый парень.

— Только он больно чудной, по моему—то работает, работает, ничего, а то, вдруг, как с печки ссыплется. Сразу все по-боку и давай какую-нибудь кампанию изобретать.

— Много ты понимаешь, «чудной». Ничего чудного нет. Просто сознательности у человека хоть отбавляй.

— Да я ничего против этого и не говорю. Сознательности у него вагон.

— А сейчас хорошо. Общественная работа у нас что надо, политграмота на ять идет, беседы интересные, игры веселые, стенгаз и тот налажен...

— Работай, не ленись...

Сидят бабы на печи,
Ахают, да охают.
Пионеры—молодцы,
В барабаны грохают!

(В середине следующего куплета на сцену вбегает вожатый. Кепка на затылке, косынка съехала на бок, растрепан, запыхался, Вбежав на середину сцены, он громовым голосом прерывает песню).

Вожатый:

— А-а-ат-ставить! Становись!

(Ребята бросают работу, как ошпаренные вскакивают, молниеносно становятся в одну шеренгу по росту).

Вожатый:

— Смирррнааа! На первый—второй!..

— Первый—трой, первый—трой!

Вожатый:

— Каждый пионер, помня заветы, слушай меня—будь готов!

Хором:

Всегда готовы!

Вожатый:

— То-то... Грудь вперед—живот назад. Подрравняйсь!

...—А игры как?

Голос:

— Миша, что случилось-то? Что с тобой?

Вожатый:

— Что за звуки? Что за разговоры... Не вякать!

(Вожатый орлиным взглядом окидывает шеренгу притихнувших ребят).

Вожатый:

— Товарищи! Ребята! Наш отряд отмечен особым вниманием нашей районной организации... Нет, не так. Товарищи, разрешите вас информировать о большом, ответственном поручении, возложенном на наш революционный отряд. Сегодня, ребята, меня известили о том, что на днях состоится с'езд дантистов. И (ребята, внимание) я из уст районного бюро пионеров услышал такие слова: «Миша, говорят мне, так как твой отряд стоит на вершине дисциплины, ребята у тебя отмуштрованы почище царских солдат и что насчет там пройтись или «всегда готов» рявкнуть,—с твоим отрядом никто сравниться не может, опять же у тебя ребята трепаться могут крепко, то мы, говорят, принимая во внимание все вышеизложенное, поручаем твоему отряду приветствовать от лица многомиллионной пионерии собирающийся в нашем городе Всероссийский с'езд дантистов и передать ему знамя». Ребята, я чуть слюной не подавился, когда мне это сказали. Ребята! Выполнять заветы и поручение райбюро—будьте готовы!

Ребята:

— Всегда готовы!

Голос:

— Миша, а чего же мы теперь будем делать-то?

Вожатый:

— Как чего?.. Что за вопрос? Готовиться, готовиться, готовиться и еще миллион триста тысяч раз готовиться. Ясно?

Голос:

— Теперь, как на ладошке.

Вожатый:

— Ну, ребята, садись. (Ребята бросаются садиться) Впрочем нет—ать-стать! (Ребята вновь в шеренгу) Не надо садиться. С самого начала, ребята, надо ввести железную дисциплину.

Голос:

— Чего там, Миша, железную,—надо железо-бетонную.

Вожатый:

— Правильно. Железо-бетонная будет покрепче. Смирррна! Ребята, перед началом подготовки я хочу выступить перед вами с речью о великой ответственности текущего момента или, вернее, моментов, которые теперь будут течь.

Голос:

— Валяй, Миша, выступай...

Вожатый:

(Становясь в позу «вождя») — Товарищи! Разрешите вам кратко и художественно обрисовать ту ответственную задачу, разрешить которую, не прибегая к помощи

...—А стенгаз?

арифметических наук, предстоит нам. На нас сейчас обращено лицо или, вернее, лица всей многомиллионной пионерии. Мы должны, товарищи, расшибиться в лепешку. Мы должны, не щадя живота, выполнить это героически—революционно-боевое поручение, и тогда героические имена наши и самоотверженный номер нашего отряда будет занесен в историю классовой борьбы, в историю международного детского движения, в историю международного рабочего движения, в историю партии и в золотые страницы истории международного развития дантистизма. Итак, товарищи, не теряя ни секунды дорогого времени—готовиться, готовиться, готовиться и еще миллион триста тысяч раз готовиться. Бурные аплодисменты—разойдись!

(Пионеры «протрубливают» губами две строки «Молодой Гвардии» и садятся).

Вожатый:

— Теперь, ребята, наметим план подготовки. Надо каждую секунду употребить на это грандиозно-ответственное дело.

1 пионер:

— Миша, а как же политзанятия?

Вожатый:

— Долой, долой, долой! Сознание ответственности момента и так далее, вообще—долой!

2 пионер:

— Миша, а игры не будем проводить?

Вожатый:

— Что?! Игры?!! В такой боевой момент, а ты в игрушки играть хочешь??? Долой игры!

3 пионер:

— Миша, а беседы как?

Вожатый:

— Некогда беседовать—долой!

4 пионер:

— А стенгаз?

Вожатый:

— Долой!

5 пионер:

— А работа в детдоме?

Вожатый:

— Долой!

6 пионер:

— А в школу-то ходить можно?

Вожатый:

— В школу? Не следовало бы, ну да уж шут с ней — походите как-нибудь. Теперь, ребята, мы должны распределить по звеньям боевые задания. Во-первых, вы все должны научиться кричать «всегда готов» так, чтобы лопались барабанные перепонки. Каждый в отдельности должен настропалиться это делать так—что ему хоть сонному крикни «будь готов», он должен сделать салют и громко, по-пролетарски, ответить «всегда готов». Затем, с завтрашнего дня займемся строем и ходьбой. Будем делать хоть по двадцать верст в день, а ходить научимся на большой палец. Барабанщик должен 8 часов в день барабанить в барабан, чтобы «Старого барабанщика» мог выстукивать с закрытыми глазами. Горнисту не жалеть легких, трубить до изнеможения духа. Поняли?

...—Долой! Долой!

Пионеры:

— Есть.

Вожатый:

— Теперь, ребята, надо выделить одного парнишку на самое ответственное дело. Надо кому-нибудь поручить сказать приветственное слово на открытии с'езда. Кому это поручить?

...—От лица ВС много...

Голоса (вместе):

— Алексаше. Алексаше.

— Алексаше, он треплется, что надо.

— Как граммофон.

— Его только подзавести получше.

Вожатый:

— Есть предложение поручить это боевое задание Алексаше. Кто за, а кто против — поднимите руки. Единогласно. Алексаша, ты выделен для выполнения боевой задачи. Справишься ты с этим? Помни, что во всей нашей работе самое главное—твоя речь.

Алексаша:

— Чего-ж не справиться—я загну.

Вожатый:

— В самый последний момент не струсишь?

Алексаша:

— Что мне первый раз, что ли? Я перед вождями выступал и то ничего, только один раз челюсти свело...

Вожатый:

— Ну, так, Алексаша, не подведи. Помни, что от твоего выступления зависит всемирная слава нашего отряда.

Алексаша:

— Не беспокойся, Миша, у меня в этом отношении опыт богатый. Меня везде с речью выпускают, потому как голос у меня пронзительный и язык болтается хорошо. Не только дантистов, а хочешь ВЦИК буду приветствовать или даже Цеку или хоть весь мировой пролетариат. Мне речь сказать—раз плюнуть. Так загвозжу, что у дантистов дух сопрет.

Вожатый:

— Ну, ладно. Не подведи, Алексаша. А теперь, айда на улицу. Часочка 3—4 походим, помаршируем и по домам.

Пионер:

— Миша, а ведь, сейчас уже 11 часов ночи, во сколько же мы домой то придем?

Вожатый:

— Не забывать о дисциплине! Встать! Стройся! Равнение на прра-во! Смирррно! Завтра приходить в четыре часа дня. Весь вечер будем заниматься. Ты, Алексаша, помни о боевой задаче, а сейчас для занятий, на прррa-во! Шагом-арш!

(Пионеры выходят. Идет занавес. Перед занавесом появляется пионер).

Пионер:

— Видали, товарищи, самоотверженных людей? Видали, как они взялись за выполнение революционной задачи? За такую подготовку не только в пять историй надо записать, а пятьдесят историй им самим вписать в некоторые части тела. Ну, да ладно, не будем их отвлекать от их прреволюционной задачи, а посмотрим, что будет дальше. (Кричит). Готово?

Голос:

— Готово.

Пионер:

— Занавес. (Уходит).

(Идет занавес. Сцена—комната. Стол с посудой, стулья, сбоку нарисованное на фанере большое зеркало. Что то вроде детской кроватки в ней «ребеночек»[1]). В комнате Алексаша, его мать и сестренка Лиза. Мать у стола чистит картошку, Лиза качает ребенка, а Алексаша стоит у зеркала и «готовится» к речи, но пока без слов. Он, то приложит левую руку к сердцу, а правой вскинет над головой, то правой рукой схватится за сердце, а левую молниеносно вытянет вбок. То выставит правую ногу вперед и всю тяжесть корпуса перенесет на левую. Все жесты делает очень «героически и с безмолвным пафосом», замирая на несколько секунд в каждой позе. Пока Алексаша «упражняется», Лиза, убаюкивая «ребеночка», поет:

Лиза:

— Бай, бай, баю, бай,
Не ложись, Ваня, на край,
Ложись на середочку,
В шелкову пеленочку,
Не ложися на краю,
Баю, баюшки, баю.
Придет серенький волчок,
Тебя схватит за бочок
И утащит во лесок,
Под зелененький кусток.

(Прерывая пение) Мам, никак Алексашка с ума сходит, чегой-то он как дурак перед зеркалом руками машет.

Алексаша:

— Сама-то ты дура, не видишь, я жесты разрабатываю, дубина.

Лиза:

— Чего?

[1]) Играть «ребеночка» может обыкновенный пионер.

...—Взбесился ты!

Алексаша:

— Жесты. Не понимаешь, так не вякай.

Лиза:

— А для чего тебе эти жесты?

Алексаша:

— Ты, Лизка, ничего не знаешь, может, через эти жесты я в историю партии попаду.

Мать:

— Ну, в какую ты там историю попадешь, я не знаю, а что в зеркало кулаком попадешь—это видно. Чего это ты размахался? Чегой-то ты из себя разрабатываешь? Взял бы колун, да дров бы наколол, чем по воздуху руками без толку махать.

Алексаша:

— Ты, мама, ничего не понимаешь, потому как в тебе отсталости много. Вот, обожди, я речь отрепетирую, тогда займусь твою сознательность поднимать.

Мать:

— Смотри, как бы я сама сейчас не поднялась; я тебя так отрепетирую, что три дня не сядешь.

Лиза:

— Ну, ладно, будет вам, разодрались, Ваньке уснуть не даете.

(Мать смолкает. Лиза вновь начинает напевать песенку. Алексаша с удвоенной энергией принимается за жестикуляцию. Тишина. Пауза. Лиза наклоняется к «ребеночку», слушает. Тот спит. Ли а на цыпочках подходит к матери и показывает, что «ребеночек» уснул.

Тишину вдруг внезапно прерывает Алексаша, который, встав в позу, громогласным голосом гаркнул приветственную речь).

Алексаша:

— Да-ррр-а-г-ги та-ва-ри-щи. От лица много...

(Мать с испугу роняет на пол тарелку. Лиза вздрагивает. «Ребеночек» поднимает гвалт. Алексаша, не обращая ни на что внимания, продолжает изливаться в приветственных словах. Хаос).

Мать:

— Сашка! Взбесился ты? Сашка!

Лиза:

— Дурак, замолчи! Перестань!

Алексаша:

...Приветствую вас, дорогие товарищи! Да здравствет...

Ребенок:

(Вопит).

Лиза:

— Мама! Маманька! Он с ума сошел! Мамка!

Мать:

— Санька! Убью! Санька!

Алексаша:

— ...Мы смена всякой смены, мы всех сменим...

Лиза:

— Мама, облей его водой, может ему лучше будет.

(Мать хватает ведро и окатывает Алексашу. Алексаша прерывает речь, остолбенев и застыв на месте).

Мать:

— Ты что? Взбесился что ли? Кой тя родимец схватил?

Алексаша:

(Вновь приходя в «приветственное» состояние). Дорогие товарищи! Дорогая моя мать! О, дорогая моя сестра! Приветствую вас, борцов за третий коммунистический с'езд дантистов.

Мать:

— А он в сам-деле рехнулся! Сашка! Сашка!!!

...—может сталь зазвучать!

Алексаша:

— Долой белогвардейские подлости! Мы, как авангард...

Мать:

— Осподи Исуссе. Вот напасть-то...

Алексаша:

...Приветствую солидарность международного движения дантистов...

Лиза:

— Маманьк, отними ты у него зеркало-то, может, он перестанет...

(Мать хватает зеркало. Встрепанный, красный с выпученными глазами Алексаша останавливает речь и обалделым взглядом смотрит на мать).

Мать:

— Ну, что ты бельмы-то вылупил? Что тебя расхватило?

Алексаша:

— Мама, маманя, да пойми ты—я речь репетирую...

...—Что такое? Санька! Санька!

Мать:

— Какую такую речь? Гляди, что наделал. Я тарелку из-за тебя расшибла, Ваньку разбудили, осатанелая ты голова!

Лиза:

— Какой оратор, подумаешь. Дров наколоть — его нету, а языком барабанить—как сдельно нанялся...

Алексаша:

— Лизка. Ты молчи. У тебя в голове мозгов недохватка. Ты думаешь, речь сказать — это дров нарубить? Дура. Я выражение вырабатываю. Другой оратор отбарабанит и кончено. А здесь надо с толком, с чувством. Ты гляди, я иное слово со слезой скажу, с дрожью в голосе, а в другом слове у меня может сталь зазвучать. Этого сразу не добьешься! Вот слушай (Алексаша становится в позу и «со слезой» начинает): Много, много жертв на путях к победам было у вас, героические товарищи дантисты, но (он принимает героическую позу, и в голосе у него начинает «звучать сталь») вам было на все наплевать. Вы шли и... пришли...

Мать:

— Ну, ты брось эти антимонии разводить! Подурил, и будет. Покачай-ка Ваньку, а мы с Лизунькой в кооператив пойдем.

(Мать и Лиза одеваются. Лиза захватывает сумку — обе уходят. Алексаша сидит около «ребеночка». Долго смотрит на него).

Алексаша:

— (Самодовольно) А, ушли! А здорово я их пронял речью. Лизка чуть не заревела, а мать даже тарелку расшибла. Вот это да... это талант. Ох, и оратор же из меня получается. Ещ, что ли, речь махнуть... Только жаль, слушать некому, а в безвоздушное пространство неинтересно говорить... (Думает): Стой (смотрит на «ребеночка»), дай-ка я ему словягу заверну. (Поднимает «Ребеночка», сажает его на постельке). Ты, Ванька, сиди и думай, что ты с'езд дантистов, я тебя приветствовать сейчас буду. (Становится в позу). Только слушай лучше... («стальным голосом») Да-ррр-аген товарищи... От лица многомиллионной пионерии раз-ре-ши-те... приветствовать вас («Ребеночек» начинает реветь). Ага, до слезы уже прошиб! Товарищи, крепче держите в своих мозолистых руках серп и молот, крепите смычку и помните о той великой задаче, которая стоит у вас на пути. («Ребеночек» начинает надрываться от крика) Ай да я! Эк, я его как! Всю душу ему вывинтил... (Идет на авансцену). Ловко у меня получается, только вот голос немного прихрипывать начал. Чего бы в глотку пропустить. Ага, говорят от голоса яйца хорошо помогают... Посмотрим, может найдем...

(Идет к столу, шарит на нем и находит пакет. Несет его на авансцену. Разворачивает. Вынимает яйцо).

Алексаша:

— Вот они, голубчики... (Разбивает и выпивает яйца. Пакет и скорлупки бросает на пол). Вот это фасон. Теперь зазвучит. Можно еще разочек махнуть.

(Снова становится в позу перед утихнувшим было «ребеночком» и начинает новую речь. Чем больше вдохновляется и расходится Алексаша, тем яростней крик Ваньки. Под конец Алексаша бросает осмысленную речь, начинает «зашпаривать» вместо приветствия песни, стихи и т. д. Когда обоюдные крики достигают наивысшего предела, в комнату входят мать и Лиза).

...—Иное слово со слезой скажу

Наша жизнь

КАК АЗИЗЯ ПОПАЛА В ПИОНЕРКИ

Весело гудит кишлак [1]). Шумно, как редко бывает. Это пионерский отряд отправился на прогулку. Узбеки в длинных цветных халатах удивленно глядят на здоровых полуголых девочек и мальчиков с ярко-красными платками на шее. Медленно покачиваются головы в тюбетейках [2]), что-то странно лепечут по-своему.

Кишлак пройден. Вечереет. На берегу большого арыка [3]) пионеры разбивают лагерь, тащат хворост, разжигают костер. Наскоро ужинают. Усталые, засыпают в один миг здоровым сном. Только группа ребят осталась у костра—это звено, оставленное на страже. Все тихо; только пионеры перешептываются, что-то рассказывают друг другу.

Вдруг со стороны кишлака доносятся крики. Все сторожившие вздрагивают, прислушиваются. Плач и крики раздаются сильнее. Одна из девочек звеновая говорит:

— Ким, ты останься здесь, а все остальные, айда за мною.

И все, кроме одного пионера, оставшегося сторожить, быстро понеслись к кишлаку, перепрыгивая через арыки. Уже почти добежали до кишлака. Крики смолкли. Ребята в недоумении остановились, не зная, куда бежать. Вдруг к ним навстречу несется маленькая фигурка в длинном куйинаки [4]) и штанах. Это узбечка лет 14-ти испуганная, заплаканная. Все пионерки ее мигом обступили.

— Ты откуда?

— Что с тобою?

— Почему ты плачешь?.

Тут раздается голос звеновой:

— Тише, ребята, так нельзя. Кто из вас говорит по-узбекски?

— Я могу — отзывается одна из пионерок, да еще Ким хорошо говорит по-узбекски, но ты его оставила сторожить лагерь

— Ну, ладно, мы с тобой будем говорить, а остальные молчите.

Узбечка испуганно, озираясь, говорит:

— Ой, опа, опа [5]), пойдем дальше, моя боится.

— Чего же ты боишься?.

— Не бойся! — раздаются возгласы— Говори.—Она в несвязных словах, чередуя русский язык с узбекским, волнуясь, торопясь и всхлипывая, рассказывает печальную историю.

— Мой отец завтра должен выдать меня замуж и я уже согласилась, но, утром увидав отряд, увидав, как такие же, как и я, девочки бегают и играют, вспомнила, что ведь мне нельзя будет после замужества на улицу выйти без паранджи [6]) и чембета [7]), и муж будет старый, и будет бить меня, так же, как бьет подругу Зинге, которая недавно вышла замуж. Я сегодня после того, как прошли русские девочки и мальчики, сказала матери: ведь они бегают и играют, хоть они и больше меня, а меня замуж выдают, а я не хочу. Мать стала меня ругать, а потом, так как я не угомонилась, она позвала отца, который прибил меня, так как ему хочется получить калым [8]). Он запер меня и ушел в чай-хане [9]), а я по кушаку спустилась через дувал [10]) и прибежала сюда. Теперь я не знаю, что мне делать.

Кончив свой рассказ, девочка залилась опять слезами.

Пионеры заволновались, поговорили между собой и решили взять ее с собой.

— Пойдем с нами, мы тебя устроим, будешь ты нашей сестрой.

— Нет, я боюсь. Отец поймает меня и убьет. Да и куда я пойду.

— Да ведь живем мы в Ташкенте, там много людей, которые тебя защитят. Не бойся, пойдем лучше скорее. А то отец опять хватится тебя и запрет»,— заговорили пионерки.

А звеновая выступила вперед и начала ласково уговаривать девочку:

— Не бойся, ничего дурного с тобой не будет. Мы тебя устроим, и ты будешь жить с такими же девочками, как и ты. И ты будешь состоять в пионерах в нашем отряде.

— Ну, ты подумай — сказала она, помолчав немного.—Если тебе сейчас не придется уйти с нами, что с тобой будет. Поймает отец, запрет, изобьет всю и все равно выдаст замуж. Если же пойдешь с нами, то, когда вырастешь, пойдешь просвещать своих товарок.

После некоторых уговоров, девочка согласилась, и пионеры вместе с Азизей (так звали маленькую девочку) понеслись по направлению к лагерю. Поднялся на ноги весь лагерь, рассказали, в чем дело, и через полтора часа весь отряд в полном порядке выступал в обратный путь.

Среди бодрых и здоровых пионеров потешно выделялась при свете луны— тоненькая тщедушная фигурка Азизи в длинных штанах и с множеством тоненьких косичек на голове. Девочка громко смеялась, хотя слезы еще не высохли

Мать:

— Что такое? Санька! Санька! Лизка, заткни ему глотку!

Лиза:

— Мамка! Смотри-ка, Ванька сейчас помрет!

Мать:

— Санька! Сашка!

(Хватает какую-то тряпку и с ней набрасывается на Алексашу. Алексаша, получив несколько шлепков, приходит в себя).

Мать:

— Да ты что это, белены об'елся? Его, как путного, оставили, а он тут чуть не погубил мальчонка. Погоди ужо отец придет, он тебе такую выволку задаст... (внезапно ее взгляд падает на яичную скорлупу). Да ты что-й-то это, никак все яйца слопал... Да ты очумел совсем...

Алексаша:

— Это я для голоса, мамаш. Для голоса яйца очень хорошо...

Мать:

— Ах, ты, пес тя заешь! Да из чего же это я лапшу-то буду месить? Из чего— я тебя спрашиваю.

Алексаша:

— Ну, мама, такой несознательности я от тебя не ожидал. Здесь, можно сказать, выступление в мировом масштабе, а она с какой-то несчастной лапшей лезет.

Мать:

— Да чем же я отца-то буду кормить? Ты мне скажи, чем вас-то пичкать буду?..

Алексаша:

— Я больше не могу, маманьк... Я иду в школу. Не кричи на меня, никакой лапши мне не надо (одевается) Здесь в международном масштабе стараешься, а она с лапшой. Ухожу — приду поздно. (Уходит).

Мать:

— Ну, что ты с ним будешь делать. Вот оглашенный малый. И что им в эти отряды позволяют ходить.., провались они пропадом, нечистая сила.

(Идет занавес. Выходит пионер)

(Окончание следует)

---

[1]) Кишлак—узбекская деревня.

[2]) Тюбетейка — круглая шапочка, носимая узбеками.

[3]) Ярык— канава при искусственном орошении.

[4]) Куйинак—длинная рубашка, которую носят узбечки.

[5]) Опа—по-узбекски сестра.

[6]) Паранджа — верхнее одеяние, — без которого узбечки не могут выйти на улицу.

[7]) Чембет—волосяная сетка, без которой узбечка не может выйти на улицу.

[8]) Калым—выпуп за невесту.

[9]) Чай-хане—узбекская чайная.

[10]) Дувал—глиняный забор.

на глазах. Смеялась она не от сознания, что ее жизнь решается в хорошую сторону, а ее просто забавляли шутки пионеров и необычайность положения.

Итак Азизя ушла с пионерами, и к утру весь отряд был в Ташкенте.

Через год никто не узнал бы в бойкой звеновой—командующей звеном пионеров-узбеков, тонкой, тщедушной Азизи.

Когда пионеры привели ее в Ташкент и устроили в интернате, Азизе было очень трудно. И первое время она очень много плакала и горевала. Потом пионеры общими усилиями заставили ее забыть свое горе, свою печаль, втянули в пионерскую работу. И когда она стала учиться в советской школе, она совсем забыла свой страх и росла с мыслью, что, кончив школу, пойдет просвещать своих товарок и расскажет им про свободную женщину. Расскажет о том, что ни за какой калым нельзя ни купить, ни продать женщину, и что женщина тоже человек, как и мужчина.

Пионерка отряда им. Дзержинского
Ташкент **Воля Милованова**

ДОЛОЙ ФОРМУ В ПИОНЕР-ОТРЯДАХ

У нас на Украине теперь вводится форма в отрядах. У ребят только и слышны разговоры про то, что у нас, мол, есть уже форма, а некоторые ребята говорят, что у них нет еще, и получается соревнование, у кого раньше будет форма.

По-моему, форма является скаутским пережитком, военщиной. Если уже необходимо наружное отличие пионеров от других ребят, то знак пионеров есть красный галстук, и другого нам не нужно.

А между тем, ребята не подумают о том, что можно иметь на 100 руб. вместо формы? Это—подписаться на журналы, купить библиотечку, записаться в МОПР, в Авиахим и так далее.

По-моему форма—ненужная показность, и хотя она (форма) ребятам нравится, ее все-таки нужно упразднить. Долой форму в пионер-отрядах!

Пионер 34 отряда Ленинского района
г. Киев. **В. Глебов**

ПИОНЕРЫ ЗЫРЯНЕ

Пионердвижение проникло в самые отдаленные уголки СССР. Даже в области Коми везде знают про «пиянериев».

Раньше работы в пионер-отрядах велось мало. Но понемногу пионеры начали поднимать свой авторитет: где мостик через речку починят, кому помогут вспахать поле или сборонят, а крестьяне и рады неожиданным помощникам.

«Да, пионеры-то не лодырничают, а делу учатся», — говорят крестьяне.

Пионерам приходится вести ожесточенную борьбу с темнотой деревни. Упала звезда с неба — перекрестится зырянин: «За упокой души», — скажет, — «вот-де, умер человек какой-то, царствие ему небесное».

Зырянские ребята довольно сильные и здоровые. С отцами они зимой за 10—20 верст уезжают рубить лес. Там они живут в лесных «баньках». Ребята обрубают топориками ветки с деревьев и исполняют мелкие работы.

Теперь в каждом почти большом селе есть отряд зырянских ребят.

В. Прядильников

Наши братья на Западе и Востоке

В АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЕ

Мы, эйрдейльские дети, учимся в школе, находящейся в Глэсотоне, в получасе ходьбы от Эйрдейля. В пути мы до того зябнем, что, придя в школу, долго не можем согреться. Вокруг печи всегда можно видеть греющихся детей.

Для учителей у нас есть в школе особая комната, с большим камином и удобным диваном. Однажды во время урока в 3-м классе одна девочка болтала. Учитель вызвал ее и ударил линейкой по руке, и линейка сломалась. Девочка сказала, что она расскажет об этом матери. Чтобы отучить преподавателя бить учеников линейкой по рукам, мальчики достали смолы и натерли себе руки, чтобы сделать их жестче.

Зимой, когда мы опаздываем, учителя бьют нас линейкой по одеревеневшим от мороза пальцам, и мы кричим от боли. Поэтому мы хотим добиться, чтобы учителя не дрались линейками. Большинству детей приходится оставаться на обед в школе, потому что не хватает времени сходить домой пообедать и вернуться в школу.

Идя в школу, мы берем с собой хлеб и завертываем его в газету. По дороге бумага размокает от снега, и мы едим мокрый хлеб.

На уроках истории нам только и рассказывают, что о королях и королевах, о великих князьях и о лордах, которые жили много лет тому назад. Учителя говорят, что нынешний король самый лучший из всех английских королей. Они говорят это потому, что они — капиталистические учителя. Они ничего не говорят нам о Ленине, Либкнехте, Розе Люксембург и Карле Марксе. У нас слишком много детей в школе, чтобы учителя могли нас как следует учить. Мы хотим, чтобы в каждом классе было меньше детей.

С вами—за коммунизм!

Глэсотонская школьная группа

ПИСЬМО ИЗ АМЕРИКИ

Мы опишем вам свою жизнь в Детской Секции. У нас в городе есть гимназия для девочек и мальчиков. У нас в классе масса народу. Мы получаем каждую неделю «Юный Товарищ» и очень любим эту газету, потому что в ней всегда есть что-нибудь такое, что нам нужно. Я уверен, что другие дети тоже любят ее, потому что в ней никогда не пишут неправды. Мы ненавидим капиталистическую школу за то, что нас заставляют учить библию. И вот комсомольская школа — это совсем другое. Там не нужно зубрить библейских текстов. Там мы слушаем то, о чем пишут в «Юном Товарище».

Мы очень любим комсомольскую школу, потому что там даже 6-летние дети научаются понимать, что такое капитализм. Каждое воскресенье комсомол устраивает какой-нибудь спектакль или лекцию. Детская Секция тоже устраивает что-нибудь по воскресеньям. Последний раз на собрании выступил 11-летний мальчик из детской группы. Он сказал речь. Каждый раз, когда детей наказывают, они говорят об этом на собрании, и члены детской группы запоминают это.

Пишите нам поскорее.

С братским приветом Детская Группа, **Монессен** Шт. Пенсильвания.

(Сев.-Американские Соединенные Штаты).

Как мы живем в Китае.

(К статье на следующей странице).

Задолго до революции царское правительство построило в Китае Восточно-Китайскую железную дорогу. Под предлогом защиты дороги, Россия ввела в Китай громадную армию чтоб, в конце концов, захватить Манчжурию (часть Китая, где проходит железная дорога) в свои руки.

Советский Союз не преследует захватнических целей и предоставил охрану дороги китайским властям, установив совместное управление ею.

В Манчжурии же теперь властвует контр-революционный китайский генерал Чжан-Цзо-Лин, который несмотря на договор с Советским Союзом допускает, а иногда и сам устраивает избиения советских граждан, громит профсоюзы и, как вы узнаете из письма на след. стр., всячески притесняет комсомольцев и пионеров детей рабочих и служащих Кит.-Вост. жел. дор.

Недавно наглость его дошла до того, что он арестовал управляющего дорогой тов. Иванова. После протеста Советского правительства тов. Иванов был освобожден.

На пустом уроке в школе

Как мы живем в Китае

Я пишу вам из далекого Китая, на станции Пограничная, в полосе отчуждения Китайско-Восточной ж. д.

Весь 1923 год пионеры работу вели легально, т.-е. мы свободно собирались, устраивали парады с красными знаменами, и полиция нам не препятствовала. Летом стояли в лагере неделю: более стоять запретила полиция. В 1925 году устраивали парады вместе с Единой Трудовой Школой II-й ступени, но уже без галстуков: полиция запретила их носить.

В Международную Детскую Неделю мы без разрешения полиции носили красные галстуки. Как раз к этому времени начался нажим полиции на профсоюзы, женотдел, а также и на нас. На одном из сборов отряда нам вожатая отряда об'явила, что мы переходим на нелегальное положение, иначе может нас распустить полиция.

В настоящее время мы собираемся звеньями тайком по квартирам, где и проводим звеньевую работу. Хотя полиция и запретила носить пионерам галстуки, но мы понемногу носим.

Теперь, товарищи, я скажу несколько слов о врагах нашей организации, которые существуют в полосе отчуждения. Их не преследует полиция, среди них много китайских подданных белогвардейцев, бывших русских. Фашистские организации здесь имеют разные названия, например: «Черное кольцо», «Мушкетеры», «Скауты», «Крестоносцы», «Христианский союз молодых людей» и другие; они все преследуют одну и ту же цель, а именно, «бить красных»,—это их главная работа. Особенно часто происходят избиения в городе Харбине; реже—по линии полосы отчуждения.

На ст. Пограничная весною 1925 года было столкновение между нашими и фашистами.

Дело произошло так: на одной из улиц Пограничной, которая называется «Большой», всегда гуляет молодежь, особенно под вечер. Наших пионеров здесь было около 8-ми человек. Комсомольцев почти не было. Фашистов здесь гуляла целая свора. Все время гуляя, они еще до этого вечера придирались к пионерам, но получали отпор со стороны комсомольцев. В этот вечер, около 10-ти часов ночи, раздался резкий свисток, затем другой, и вся свора фашистов, вооруженная палками, кинулась на наших. Вблизи находилось железнодорожное собрание. Там были комсомольцы, которые, услыхав шум на улице, вышли из собрания. Фашисты, разгоняя гуляющую публику, кричали «Бей комсомольцев», «Бей изменников царя» и т. п. Наших комсомольцев было человек девять. Они тоже с криками «смерть фашизму» бросились выручать наших ребят. Вся свора фашистов бросилась к своему штабу—общественному собранию. Нашим товарищам пришлось повернуть обратно, так как там появились вооруженные китайские солдаты, которых вызвала фашистская организация. Некоторым фашистам досталось так, что на другой день они были в больнице. Эти драки фашисты устраивают с тем, чтобы полицейские после этого стали бы разгонять комсомольские организации.

Бывают и такие случаи по линии Кит.-Восточной ж. д., а, главным образом, в Харбине, когда фашисты, собираясь по 20 человек, избивают одного комсомольца или пионера, в это время один фашист идет за полицией. Полиция арестовывает избитого, а наши враги остаются безнаказанными. Но мы знаем, что не только нас преследуют полицейские, и ребят других стран, кроме СССР, где они свободно работают, ходят в галстуках, устраивают лагеря и тому подобное. Наши пионеры с ранних лет уже знакомятся с палкой полицейского, с тюрьмой и т. п.

Однажды на какой-то станции арестовали октябрят 5, 6 и 7 лет. Вот до чего доходит наглость угнетателей!

И. Яковенко

1-й Пограничный отряд

ВВЕРХУ: Китайские крестьянские ребята, **В СЕРЕДИНЕ:** Японские девочки идут в школу, **ВНИЗУ:** Ребята детского дома английских профсоюзов

Д. Горлов

Как украсить клуб

Зашел как-то я к знакомым ребятам в клуб.

— Где, спрашиваю, пионерская комната?

— Вот,—говорят мне,—направо.

Открываю дверь. В глазах зарябило, цветочки, ленточки, красные, синие, затейливые узоры, какие-то странные знаки. Постоял немного. Осмотрелся. Странные знаки оказались лихо закрученными буквами, которые соединялись в непонятно написанные слова.

— Ну как, здорово?—спрашивают меня пионеры.

— Здорово, отвечаю, очень здорово, только непонятно, что же это все означает?

Оказывается, ребята украсили свою комнату к ленинским дням.

И сделали так, как делают это в большинстве случаев.

Как у нас это делается?—Да очень просто:—бегут к взрослым, посмотрят, как у них, и начинают.

Увидали красную материю—приколачивают ее. Приколотили. Как, красиво? Красиво—крой дальше!

Поставили бюст Ленина, обвили черной с красной материей, да 2-3 лозунга повесили.

— Здорово, говорят, как и в большом клубе! .. А надо признаться, что у нас еще очень мало рабочих клубов, где эта сторона действительно хорошо оборудована.

А в звеньевых уголках, чего, чего там не найдешь: и цветочки, и пятиконечные звезды, и просто картиночки, а разобраться по такому уголку в том, что делает звено, как работает,—никак нельзя.

И вот, когда посмотришь на все это понавешанное, никак не можешь понять — для чего это?

Ведь, клуб не елка, на которую чем больше барахла понавешаешь, тем лучше.— Так, говорят, красивее. Но так рассуждать нельзя. Нужно хорошенько подумать и понять: во первых, — зачем нам нужен клуб, во вторых—чего мы от него хотим. Когда нам будет понятно это,—то будет ясно, что нам нужно делать в клубе.

— Для чего мы устраиваем клуб?

— Для того, чтобы можно было ребятам собираться вместе, вести сообща полезную общественную работу, научиться коллективно работать, учиться ремеслам и т. д. и т. п.

Клуб это место, где мы готовимся к будущей общественной работе.

Как не надо писать буквы

Внешность клуба должна быть сделана так, чтобы помогать в этой работе, настраивать на нее, напоминать нам о том, что мы должны делать. Бантики, лоскуты материи, звезды и пр. помогают нам в работе?—Конечно, нет. Нужны нам они?—Конечно нет.

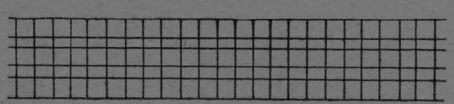
Что же нам нужно?

Это—первый вопрос, который должен поставить перед собой каждый приступающий к работе. А нужных вещей много.

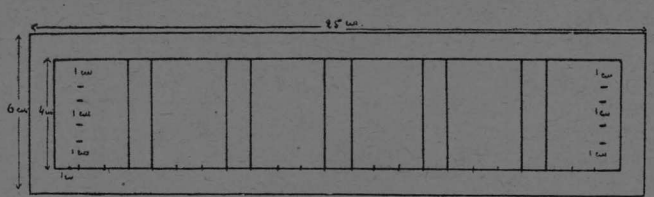
I. Нужно помочь новому приходящему в клуб разобраться в том, что делается в клубе, какая работа ведется в нем, куда ему пойти за справкой и т. д. В этом ему поможет:

а. Указатель по клубу.

б. Схема клуба.



Каркас для лозунга



Разметка лозунга

в. Расписание дежурств по клубу.

г. Расписание работы клуба.

II. Нужно показать, что в данный день делают в клубе, живую газету, игры, и т. п. Нужны яркие доски:

а. **«Сегодня в клубе»**. Доска об'явлений (для работающих в клубе). **«Сними пальто», «Вытри ноги».**

III. Живые яркие пионерские лозунги.

Здесь я говорил о входе в клуб.

Вход в клуб имеет очень большое значение. Здесь нужно дать зарядку приходящему, настроить его.

Не нужно мельчить вещей, а нужно делать их поярче, покрупнее.

Мы пришедшего ввели в клуб, заинтересовали его, зарядили. Он узнал, где что находится, какая работа ведется, но одной схемы и указателя мало. А если ребятам захочется посмотреть, как работает, предположим, столярная мастерская, сколько и каких вещей сделано в ней. Что же? Вы будете бегать по клубу, собирать табуретки, скамейки, показывать их?—Конечно, нет.

А работа звена, всего отряда?—И вот необходимо сделать уголки, показывающие и отражающие эту работу.

1. Звеньевые уголки.
2. Отрядный уголок.
3. Уголок Ленина.
4. Мопр'а.
5. Авиахима.
6. Читальни.
7. Мастерской.
8. Санкома.

В следующий раз, когда мы будем говорить о том, как делать каждую отдельную вещь, мы поговорим и об уголках. Мы считаем, что особенно увлекаться расширением уголков Авиахима, Мопр и др. не следует, т. к. часто из-за отсутствия места страдает отражение работы пионеров.

«Лучше меньше да лучше».

ЛОЗУНГ

должен быть живым, близким и понятным пионеру. Нужно стараться подбирать лозунги покороче, т. к. читают проходя и много времени на чтение не уделяют.

Пример лозунга:

«Тот хорош отряд, который организовал деревенских ребят».

Лозунги в мастерской тоже лучше писать такие, которые отражают работу этой мастерской, а не общего характера. Пример неудачного лозунга: **«Терпение и труд буржуазию сотрут».**

Пример удачного (для столярной мастерской): **«Берем мы пилы, рубанки, клещи— делаем сразу нужные вещи».**

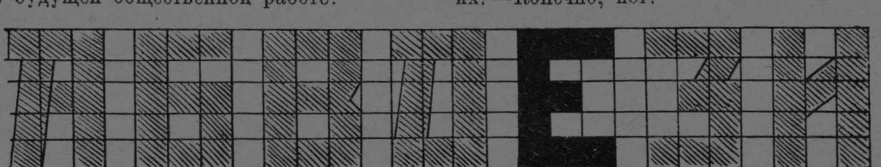
Для переплетной: **«В переплете книга удобней и крепче, мы, переплетчики, книгу лечим».**

Для читальни: **«10 книг прочитанных лучше 1000 проглоченных».** Такой лозунг можно иллюстрировать, т.-е. сделать к нему рисунок.

Очень большое значение имеет место, где повешен лозунг. Напр., физкультурный лозунг, повешенный при входе, не запомнится, т. к. здесь человек занят совсем, другим и, наоборот, если будет в том месте, где вы занимаетесь физкультурой, он поможет понять нужность ее и запомнится.

КАК ПИСАТЬ ЛОЗУНГ

Очень часто ребята стараются «покрасивее» написать и заковыривают такие буквы, что для того, чтобы прочесть слово, приходится по нескольку минут разбирать его; чаще всего издали ничего даже прочесть нельзя (рис. 1). Буква тогда только и хороша, когда она четкая,



Как надо писать буквы

простая и легко читается. Она и сделана для того, чтобы читать ее, а стараться из нее делать украшение—это все равно, что вместо коньков, которые сделаны для катанья, нацепить на ноги люстру с завитушками. Посмотрите для примера на вывески, где вы найдете такие загогулины, которые часто пишут в клубе.

Заставить прочесть лозунг, сделать его интересным можно только краской и хорошим расположением слов.

Почти всегда ребята пишут шрифт без линейки. Края у букв получаются неровные и весь он приобретает неряшливый, неприятный вид.

Как не надо раскрашивать буквы

Лучшим шрифтом для лозунга, плаката будет простой, прямой шрифт.

Пишется он так:

1. Разметка. Предположим, вам нужно написать слово «уголок» на бумажке в 6 вершков или сантиметров в ширину и 25 см в длину.

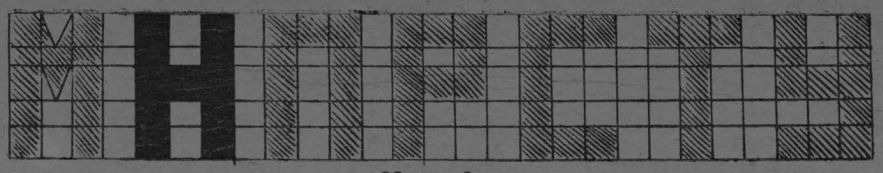
Нужно оставить поля (возьмем по одному см. каждую сторону). В слове 5 промежутков между буквами (возьмем тоже по см). Итак, у нас получится: если мы сверху и снизу отнимем по 1-му сантиметру 6—2=4 см.—Вышина буквы будет 4 см. Длина бумаги 25 см.—2 на поля,—5 на промежутки между буквами, всего на 6 букв останется 25—2—5=18; каждая буква будет шириной 18:6=3 см. Возьмем и отмерим 6 букв на бумажке и отделим их черточками одну от другой.

Теперь буквы у нас одинаковые. Важно, чтобы и палочки или столбики, из которых построена буква, были тоже одинаковой толщины.

Расстояние между буквами и столбиками необязательно равно толщине палочки. Ширину буквы 3 см проще всего разделить на 3 равные части, т.-е. каждая палочка будет шириной в 1 см.

Отметим их в каждой букве. Отметим верхнюю, среднюю и нижнюю перекладины.

Проведем через все точки линии. Каркас готов. С ним, правда, нужно повозиться, но зато как легко по нем писать буквы, вы убедитесь на работе. Начинаем писать. Карандашом затушевывайте клетки, которые нужно заполнить, а потом покрасьте краской. Краской лучше заливать так: сначала обведите края, затем, когда линия будет достаточно толстая, заливайте середину. Тогда вы не заедете за края, и буква получится аккуратная и четкая.



Образцы букв

Как писать остальные буквы. Буквы: Ш. Щ, Ю, Ы нужно брать больше, т. к. они состоят не из 4-х, а из 3-х столбиков. Ш, Щ, Ю, Ы нужно брать на 1 столбик шире, Ж—на 2 столбика шире.

РАСЦВЕТКА БУКВ

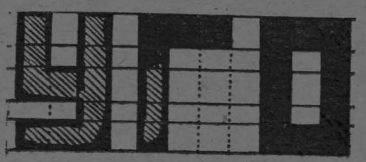
Мне много приходилось видеть лозунгов, в которых буквы или раскрашены полосками в разные цвета, или все буквы в одном слове взяты разными красками. Такие приемы или разбивают форму отдельной буквы, или само слово разбивают на ряд красочных пятен, от которых рябит в глазах. Буква и слово — это цельные вещи и их нужно брать цельным цветом; если какое-либо слово нужно выделить, подчеркнуть, то его можно взять другой, более яркой краской. Тогда в такой расцветке будет смысл. Если слово или фразу нужно особенно подчеркнуть, выделить, можно и нужно не только дать другим цветом, но и увеличить его буквы. Напр.: «**Пионер**, работая, учась, песню крича, **помни завет Ильича!**».

Здесь самое главное: **Пионер, помни завет Ильича**. Остальное только дополнение, напоминает, что помнить надо всегда. Эти дополняющие слова можно взять мельче и другой краской. Во всяком рисунке, плакате, лозунге происходит то же, что и в песне. Если песню станут тянуть одним тоном — никто слушать не станет. Она тем и действует на нас, что звуки берутся то сильнее, то тише. Лозунг, написанный одной краской, одинаковыми по величине буквами,—то же, что однотонное пение. Сделайте из лозунга вещь, которую так же интересно было бы зрителю смотреть, как слушателю слушать песню. Ослабьте ее особенно важные слова, усильте яркие, нужные, самые главные, и лозунг сразу будет живым, но следите, чтобы сильное не задавило совсем слабое—тут тоже нужна мера. Более легкие части лучше помещать вверху, тяжелые—внизу. И здесь, как и раньше, нужно думать и знать, зачем и почему ты красишь так, а не иначе; для «красивости» размазывать краску — ничего из лозунга не выйдет.

Образцы букв

РАСКРАСКА ЛОЗУНГА

Раскраску лозунга тоже нужно хорошенько обдумать. Есть разные лозунги—



Как надо покрывать краской буквы

веселые, бодрые, печальные, тяжелые по воспоминаниям, или просто ударные, четкие и т. п. Точно так же и краски разделяются на веселые, яркие: желтая, красная (киноварь), ярко-зеленая, оранжевая и др.

Есть тяжелые, холодные—черная, синяя, фиолетовая, коричневая (умбра) и др. Так вот, смотря по тому, какой по содержанию лозунг, нужно брать и краски. Мне приходилось читать лозунги, связанные со смертью Ильича, написанные желтенькой красочкой,—получается неприятное впечатление.

Но и раскрашивать только одними яркими или только одними темными (темными еще можно) нельзя. Их яркость пропадет. Они перебьют одна другую. Это все равно, что днем зажечь электричество; его не будет заметно, зато вечером оно, по сравнению с улицей, ярко и светло. Для того, чтобы подчеркнуть яркость, — нужно дать и темного. Только в веселом лозунге яркого будет больше, а в печальном или совсем не будет или будет гораздо меньше, чем в веселом.

Очень полезно перед тем, как писать плакат, нарезать различной величины и различных цветов бумажки и попробовать положить один цвет на другой. Тогда уж вы не ошибетесь, какой цвет вам лучше взять.

А то бывают такие неприятности: синий цвет с «жженной сиенной» (коричнево-красный тон) — хорошее сочетание, синие буквы на коричнево-красном фоне хороши, а коричневый цвет на синем фоне гораздо хуже. Можно написать несколько букв и попробовать их на различных фонах. Такая работа нужна и очень поможет вам.

Прежде, чем писать лозунг, нужно хорошо продумать его содержание и соответственно с этим раскрасить.

Цена 20 к.

Отгадай

		П	н	ч	ы	
	е	л	д	л	о	о
и	е	а	и	е	е	н	о
с	ь	р	а	а	к	в	б
л	м	с	и	а	т	г	р
	ы	у	и	а	е	а	
		ч	в	р	з		

№ 8. Задача.

«Ход коня».

(Пионера Белоусова).

Ходом шахматного коня прочитать лозунг.

Примечание: Конь ходит два шага вперед и один в сторону. Например: с клетки с буквой «а» (в 3 ряду) он может пойти на клетки с буквами: «Н», «Л» «А», «И», «М» и «С». Начать ход надо с жирной буквы.

№ 9. Задача.

(Р. З.).

Монтеру поручили для освещения пятиконечной звезды провести электричество и вставить 40 лампочек с таким расчетом, чтобы в каждой из 5 линий, составляющих звезду, было по 10 лампочек. Но после оказалось, что лампочек не хватило для клуба, и монтер принужден был сократить количество их на 15 штук. Монтер все же решил добиться того, чтобы, и при этом количестве лампочек в каждом ряду было их по 10. Узнать, как это удалось сделать монтеру.

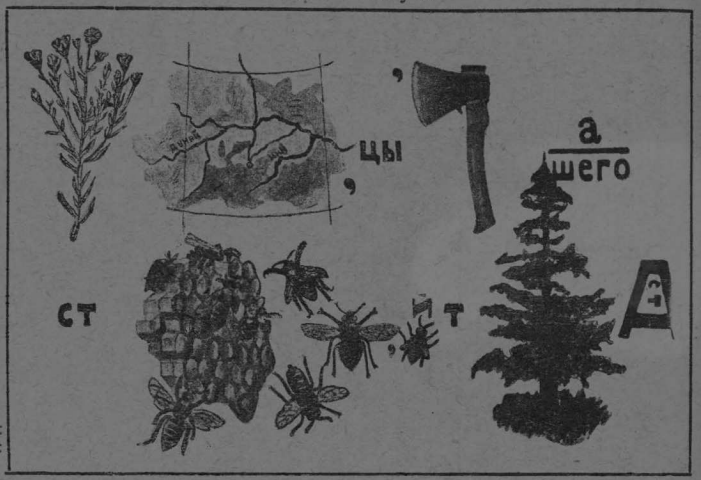
№ 10. Шарада.

(Л. Комлева)

Кострома.

Чтоб узнать мою шараду,
Отгадать три части надо.
Первая из них—предлог,
Вторую—в шахматах заметит вся игрок,
Третья часть нужна вам для письма и рисования.
А целое—любитель естествознанья.

№ 11. Ребус.



Ответы на стихи

Редакцией просмотрено ровно сто двадцать три стихотворения, скопившихся за последнее время. Участь их печальна. Только «Снежный бой» — Николая Карасева, «На коньках» — В. Прядильщикова, «На льду» — П. Штернова, «Быль» — Миши Мартынова и «Загадка-шутка» — М. Рудина мало-мальски годны к печати.

На первый взгляд дело плохо—так много ребята стараются, пишут и так мало попадает в журнал.

Написать под настроением стишок, другой легко, иногда выйдет хорошо, иногда плохо. Ничего в этом особенного нет. Так пишут все ребята. Многое о чем пишут в стихах, можно с успехом было бы написать заметкой, но ребятам хочется написать позанятней, побойчей, для этого пытаются писать стихами.

Ребята в стихах—небольшие специалисты. Написанное получается коряво; для стенгаза, конечно, годно, но для печати в центральном журнале такие опыты не годятся.

Опыты Е. Виноградовой (Сольвычегодск), стихи Зенькович (Бийск), Н. Стефанского—«Ревизоры», «Наказ» П. Пластинина (Златоуст), Сокольского С., Леонида Кручинина, Шиганова А., Ф. Крашенникова, Алекс. Сатаева, Викт. Жичина, А. Левина в журнал не пойдут, но для стенгазет вполне годный материал.

Много стихов написано просто-напросто нескладно, без рифмы и их неинтересно никому читать.

Например:

Развевается Красное знамя,
Слышится гром барабана,
Это шагает отряд
Левой, левой, левой.

(Овсянников).

Дальше в том же духе и нескладно, и скучно, и ничего нового не говорится.

Или вот, «Песнь пионеров»:

«Коммунизм просвещение наше
Идет за него всемирная борьба.
Эй, взвейтесь вверх все красные знамена,
Пойдем мы на смену
Усталым борцам.

(Борис Сокол.)

Это два образца; так же написаны и другие стихи; есть немного хуже, немного лучше, но ничем особенным из общей массы не выделяются и в журнале печатать их не годится.

Стихи Лешки Агитатора (Ростов н/Дону), Ал. Супрунова, Ник. Гусева, В. Куприянова, Китаева И., Николаева Е., Митрофановой А., Новоселова И., К. Струкова — скучноваты и не пойдут.

Есть стихи, написанные одними общими фразами, лозунгами, под избитыми заголовками: «Эй», в пионеры»! «Смена смене» и т. д.

Например:

«Будьте готовы, товарищи, к бою,
Лейся могучей рекою наш клич,
Смело идем мы за Красной звездою,
Как говорил нам Владимир Ильич.
Неугасимое пламя свободы
В юных сердцах мы пожаром зажжем и т. д.

(Ф. Плевако).

Можно оборвать такое стихоплетение и можно продолжать до бесконечности. Ничего нового, ничего, кроме общих фраз. И таких стихов целая куча, все они друг на друга похожи. Хотя некоторые из них написаны бойко, хорошо рифмованы, но содержание скучное и лучше не печатать, и поэтому стихи Е. Былинского, С. Павлова, С. Немова, «Комсомолу» — М. Рудина, Б. Насыркина, В. Вялых, К. Райдина, И Сведлика, В. Макаревича, Вл. Бух, И. Конника, И. Яковенко, Г. Богданова, Вол. Шэгрова, Сергея Радостева, Льва Бочарова, Л. Зискинда, Лешки Агитатора, Зуни А., Евг. Бор-ского, Гити Баргрума, Л. Логинова, А. Тимофеева, С. Лазуткиной, Бори Асовского, В. Матурина, Н. Давыдова, Лени Короткова, Л. Пластинина—не пойдут.

Много стихов написано ребятами в подражание известным поэтам, например, Некрасову.

«Пикор»:

... И, склонившись над бумажкой
Он писал опять
И глядела с тихой лаской
На пикора мать...

Есть написанные под «Кирпичики» (Милеев), под другие известные песни, получается плохо потому, что эти мотивы так приелись, так надоели, что повторять их только другими словами не стоит.

Стихи Е. Виноградовой, А. Кузьминова, «Частушки»—А. Шиганова, М. Скоморовского, «Поэма о Булавине»—Иды Каминской (хотя и написана не плохо, с чувством), стихи В. Сверчкова С. Павлова, Вити В., Спартака Куценко, П. Кузнецова (у него не галстук, а «галстучек» «глазенки»; все чересчур по-«детски», как писали для детей раньше, самим о себе так писать нельзя.) А. Рыжика, Конст. Дорохова и др.—все идут в наш об'емистый архив.

Есть небольшая часть стихов, написанная очень уж серьезно, не по-своему, по-пионерски, а по-взрослому.

Например, «Пикор» (Харик, Баку):

Я, может, быть, не грозе
Я маленький пикор,
Но я всегда серьезен,
Я будущий рабкор.

Дальше еще «сурьезней», и получается не веселый и сообразительный паренек, а какой-то маленький старичок. Зачем нарочито морщить лоб: это пионерам не к лицу и стихи, присланные Ольгой Чесноковой, Нюсей Рамо, Ал. Аладышкиным, Витей Болховитяновым, С. Ходыко, М. Калининой и Т. Аквилевой, В. Шерговым, Н. Карлашевым, Гр. Ивановым и др. написаны по-взрослому, с такой напускной серьезностью — не пойдут.

Нет ни одного удачного стихотворения, посвященного Ленину.

Некоторые из них поверхностные, лозунговые; в других Ленина представляют совершенно неверно.

Например:

И вдруг... его не стало.
Его—кто даровал (?) свободу.

Пишет кто-то без фамилии. Это не про Ленина, а про какого то «царя-освободителя» написал бы так придворный льстец.

Ленин не даровал свободу: ее взяли рабочие и крестьянские массы, руководимые нашей партией, во главе которой стоял Ленин. Без партии, без рабочих масс Ленин ничего бы не мог сделать. Он был вождь, а не царь.

Так же в стихах и у других ребят многие стихи неумелы, подражательны, ни одного удачного. Не так надо писать, надо по-своему, проще, теплее, без трескучих фраз.

Не пойдут стихи А. Шиганова, Г. Державина, Жуликова Петра, В. Куприянова, В. Смирнова—«На смерть Фрунзе», Нины Каргашевой — «На смерть Сун-Ят-Сена», В. Логинова и др.

Все ребята, присылая свои вещи, убедительно просят ответить лично, письмом, дать указания, как писать и тому подобное, но писем так много, что нет возможности ответить таким способом. Пусть каждый читает внимательней ответы и найдет в них полезное для себя.